

ТАМ ПАДАЛ СВЕТ

АЛЕКСЕЙ КОЛМАКОВ

Алексей Колмаков

Там падал свет

<https://litres.ru/74645687>

SelfPub; 2026

Аннотация

Экспедиционный корабль «Одиссей» исчезает вместе с экипажем. Геолог Фёдор Лисицын остаётся в незнакомой звёздной системе, а его единственным собеседником становится Карл — бортовой искусственный интеллект с непростым характером.

Их надежда на спасение — чужая планета. Но здесь опасность таится не только в неизвестной природе: даже собственные чувства могут оказаться чужими. Чтобы разобраться в происходящем, Фёдору придётся научиться доверять тем, кого он ещё недавно не мог вообразить.

Фантастическая повесть о дружбе, свободе воли и силе людей, которые учатся действовать вместе.

Содержание

Глава 1. Молчаливая пустота	4
Часть 1.1. «Одиссей»	4
Часть 1.2. Двое в пустоте	13
Часть 1.3. Неизвестная звезда	24
Часть 1.4. Посадка	34
Часть 1.5. Сквозь снежный перевал	43
Глава 2. Разум и чувства	53
Часть 2.1. Гость в самом себе	53
Часть 2.2. Сны Ульвы	58
Часть 2.3. Буйная Воля	67
Часть 2.4. Человек разумный	76
Часть 2.5. Идти, падать и снова идти	87
Глава 3. Вызов брошен	101
Часть 3.1. Безграничный опыт	101
Часть 3.2. План меняется	108
Часть 3.3. Тайна Ульвы	114
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Алексей Колмаков

Там падал свет

Глава 1. Молчаливая пустота

Часть 1.1. «Одиссей»

Спустя несколько дней после совершения пространственного скачка члены экипажа экспедиционного корабля «Одиссей» были выведены из заморозки бортовым ИИ и начали свою работу. Корабль «Одиссей» – титаническая махина в пятьсот метров длиной, триста шириной и двести высотой, первое воплощение мечты человечества о звёздах – достиг своей цели. По расчетам запуска, корабль должен был оказаться на окраинах системы Проксимы Центавра для изучения системы. Глубокая, почти осязаемая тишина космоса встретила их. Красный карлик, неприметный и тусклый, был едва виден, но его гравитационное поле уже держало в своих объятиях небольшой, каменистый мир – планету, которую ученые Земли называли Ульва. В этой системе не было величественных газовых гигантов или сверкающих колец, лишь одна планета, находящаяся в потенциально обитаемой зоне, и хаотичная россыпь астероидов, безмолвно дрейфую-

щих вокруг красного солнца.

«Одиссей» занял позицию для длительного изучения на краю гравитационного колодца звезды. Его обширные сенсорные комплексы начали собирать телеметрические данные о всей системе: гравитационные аномалии, спектральный анализ астероидного пояса, радиационный фон и, конечно же, детальные характеристики Ульвы – её атмосферу, спектры отражений и температуру поверхности. Для команды это был апогей многолетней подготовки и начало реализации практической части миссии.

В это время Федор Лисицын, младший сотрудник геологической партии, получил свое задание: на одноместном «Исследователе-1» отправиться к ближайшему скоплению астероидов, взять керны и изучить структуру пород. Работа требовала терпения и точности. Здесь самоучка без университетского диплома чувствовал себя на своём месте.

Он добрался до астероидного поля примерно за двадцать минут, и вот уже час, как он управлял манипулятором, готовясь взять очередной керн. Скука, свойственная долгим наблюдениям, была прервана лишь пару раз, когда он, как обычно, начинал про себя рифмовать строки о величии пустоты или о том, каково это – быть песчинкой в этой бездне.

«Огни Земли — лишь искры в вечной мгле,

И дом — лишь отзвук в памяти глубин.

Здесь незаметно познаешь вселенную в себе,

В потоке мыслей собственных вершин...»

В этот момент его взгляд, скользнувший по голографическому изображению "Одиссея" — его единственной связи с цивилизацией — уловил нечто странное. Рядом с корпусом флагмана, прямо в пустоте, возникли три едва уловимые, прозрачные искажения пространства. Они напоминали рябь воздуха над раскаленным асфальтом в жаркий день, но были идеально сферическими, по показателям приборов диаметром около ста метров каждая.

Федор подался к голографическому экрану, забыв о манипуляторе «Исследователя». Спустя пару секунд рябь исчезла, и на её месте возникли три гладкие сферы. Ни выступов, ни антенн, ни иллюминаторов. Матовый металл цвета сырого камня не давал различить на поверхности ни одного шва.

Ещё мгновение ничего не происходило. «Одиссей» висел неподвижно, его навигационные огни тускло мерцали в космической тьме. Затем на его корпусе вспыхнули яркие красные огни тревоги. На приборной панели «Исследователя-1» тоже мигнул сигнал бедствия от флагмана, но тут же погас, словно его что-то оборвало. Или заглушило.

Сферы стремительно разошлись, образовав равносторонний треугольник вокруг «Одиссея». Пространство между ними зарябило. Контуры корабля поплыли, а вместе с ними — звёзды на заднем плане.

Федор следил за навигационными огнями флагмана, пока те не растворились в ряби. Ещё мгновение — и сферы вместе с кораблём исчезли. Без вспышки, без остаточного свечения.

На экране осталось пустое место.

Федор находился за крупным астероидом, который скрывал его от прямого обзора. Возможно, его крошечный «Исследователь-1» просто не заметили. Или, что гораздо страшнее, сочли слишком незначительным, чтобы тратить на него внимание.

В кабине мерно гудели системы жизнеобеспечения. Сигнал бедствия больше не появлялся, каналы связи молчали. Запасов на «Исследователе-1» должно было хватить на пять-семь дней — если при подготовке к экспедиции их вообще не забыли положить.

Федор медленно выдохнул. Его размеренное, рассудительное "Я" вдруг столкнулось с реальностью, где рассудок казался совершенно бесполезным. Он был один. В сотнях миллиардов километров от дома. И у него заканчивалось время. Он кричал. Долго и яростно. Но молчаливая пустота не отвечала ему...

Крик глухо отдавался от стен тесной кабины. Федор умолк, прислушался — и снова включил вызов флагамена.

Ответа не было. Он стёр со лба пот и заставил себя посмотреть на приборы. Пять дней. Может, семь. Если повезет. Последняя оговорка вызвала кривую улыбку.

Федор закрыл глаза. Нужно было собраться, но вместо расчётов вспомнилась столовая на орбите Марса: шум голосов, поднос перед ним и человек, предложивший работу за четыре световых года от дома.

Пять лет назад, в 2232 году, – пронеслось в его голове, – ученые Земли и Марса сделали невозможное. Они впервые успешно испытали установку для переноса физических объектов сквозь пространство. Это был не прыжок через гиперпространство в старом кино, а что-то более фундаментальное, более пугающее. Установка представляла собой произвольный кубоид, по углам которого располагались маяки стабилизации. Синхронизировав их, ИИ-ассистент занимался подготовкой к “прыжку”. Главное условие – обесточить все электронные компоненты внутри, иначе они сгорали.

Сначала были только неодушевленные объекты. С ними все шло относительно гладко. Но с живыми существами... Федор помнил отчеты. Подопытные животные погибали, превращаясь в однородную биологическую кашу. Ученые бились над проблемой годами, пока не нашли решение: глубокий летаргический сон, близкий к клинической смерти, чтобы замедлить метаболизм, и “упаковка” организма в синтетический аналог янтаря. Процесс по старинке называли “заморозкой”. Обратная “разморозка” занимала два-три дня, и эксперименты показывали полный возврат функциональности.

Два года назад началась новая эра. Первые добровольцы – смельчаки, или безумцы – были успешно “заморожены”, переброшены с Земли на Марс и “разморожены”. По их отчетам, процесс был похож на провал в беспамятство, как при сильном алкогольном отравлении. Но пробужде-

ние не сопровождалось похмельем или неприятными ощущениями. За исключением нескольких случаев психической нестабильности, все добровольцы отмечали хорошее самочувствие. Так началась эра быстрого и безопасного трансфера между Землей и колонией на Марсе, открыв новые горизонты для человечества.

Но ученые, как всегда, не стояли на месте. Успех с межпланетными прыжками лишь раззадорил их. Сразу же после успешных испытаний Объединенный Совет Земли одобрил разработку первой в мире экспедиции к Проксиме Центавра. Параллельно велись эксперименты по забрасыванию объектов всё дальше от Солнечной системы – небольшие дроны, спутники, тестовые образцы из различных материалов. Ученые искали способы оптимизировать работу ИИ-ассистентов на основе новых данных, закрывать от последствий прыжка чувствительную технику и разрабатывали новые алгоритмы разморозки. Именно эти прорывы и сделали возможной экспедицию «Одиссея».

Федор же в то время занимался монтажом прыжкового кубоида на орбите Марса. Работа была знакомой: точно такой же небольшой корабль, как «Исследователь-1», знакомые узлы, кабели, сварка. Неожиданно, среди обыденности, прозвучало предложение, изменившее всю его жизнь. Ему повезло попасть в экспедицию благодаря не столько своим знаниям, сколько общительному и веселому характеру. Он подружился с начальником геологической партии, Петром На-

ливкиным. Они часто обедали вместе в общей столовой, обмениваясь шутками и наблюдениями.

И вот однажды, за порцией синтезированного мясного рагу, Петр Дмитрич, пыхтя и утирая со лба пот, произнес:

— Мы, знаешь ли, Федор, ищем сейчас к себе в партию младшего геолога с опытом работы на малых функциональных судах. И вот такой человек, как ты, нам бы очень пригодился, руки у тебя золотые. Жаль, что ты не геолог.

Федор, ухмыльнувшись, ответил:

— Ха-х... интересно, откуда вы про мои руки знаете, уважаемый Петр Дмитрич? Что-то я вас на монтаже узлов не припомню, всё больше в кабинетах да в кабинетах...

Наливкин отмахнулся:

— Федя, не язви! Ты лучше скажи, братец, почему в университет не пошел? Был бы сейчас специалист, а то и кандидата бы уже защитил... Знаешь, несмотря на весь пафос и важность нашей миссии, желающих отправиться вглубь космоса за четыре световых года от матушки-Земли не особо много. Особенно у нашей геологической партии. — Петр Дмитрич помолчал, чуть нахмурившись.

— Ох, я бы с радостью, Петр Дмитрич! — с неподдельным энтузиазмом откликнулся Федор, его глаза загорелись. — Чего бояться?! На «Одиссее» будет автономная система развертки прыжкового кубоида, энергии с двойным аварийным запасом, а вот когда еще у кого-то будет возможность прикоснуться к неизведанному, стать первооткрывателем кос-

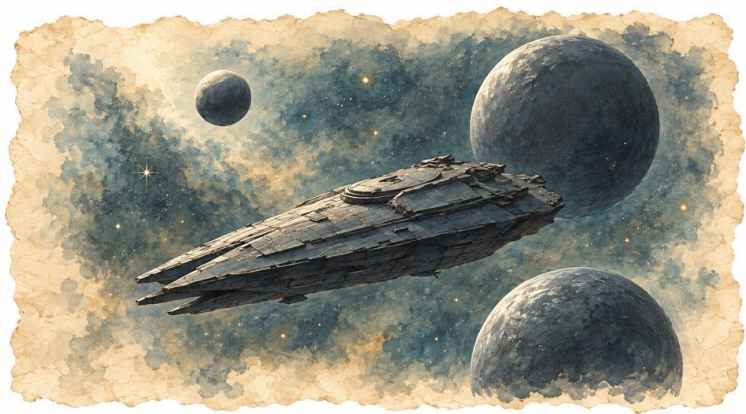
мических глубин! Эх, романтика! Я тут даже стих на днях написал, прочитать?

— Потом, потом... — Наливкин усмехнулся, его взгляд потеплел. — Слушай... А готов учиться на геолога ускоренным темпом по методу профессора Петра Дмитриевича Наливкина? Если готов — я замолвлю словечко где надо, возьму на поруки под свою ответственность. Рекомендации по работе руками у тебя хорошие, слышал, ты недавно и ребята-физикам чего-то там помогал протягивать.

— Петр Дмитрич! Дорогой! Я всеми руками и ногами за! Если получится — это будет невероятно! А что за метод у вас такой?

— А очень эффективный метод! Делаешь то, что я говорю делать, и стараешься не облажаться! — громогласно рассмеялся профессор Наливкин, и его смех эхом разнесся по столовой.

Так Федор Лисицын, самоучка и романтик, оказался в экспедиции. Так он оказался сейчас совсем один во всей вселенной, дрейфующий в тишине, которая могла оказаться смертельной.

Часть 1.2. Двое в пустоте

Проклятие. Федор оттолкнулся от панели, позволив инерции отнести его к аварийному шкафчику. Паника, что сдавливала горло несколько минут назад, уступила место холодному, отстраненному анализу. «Будет горе – будем плакать...» — пробормотал он себе под нос, стараясь придать голосу привычную бодрость. И Федор, вопреки всему, находил в ней спасительный оптимизм.

Дверца шкафчика отъехала в сторону. Рационы, контейнеры с водой, пара кислородных ячеек для выхода в открытый космос, стандартные медпакеты. Федор пересчитал упаковки: всё на месте. Семь дней полноценного рациона или две недели в режиме экономии. Он задержал ладонь на краю шкафчика, позволяя себе немного успокоиться.

Затем он вернулся к приборам. Показания встроенных в обшивку корабля энергоустановок S3 – систем, что генерируют электроэнергию за счет улавливания гравитации, света и тепла – выглядели удручающе. Почти нулевая генерация. Отдаленное, тусклое красное солнце, затерянное где-то в звездном поле, давало слишком мало излучения и гравитационного воздействия, чтобы генерировать достаточно энергии. Аккумуляторы «Исследователя-1» медленно, но верно разряжались.

— Карл, дай мне анализ ближней зоны, — произнес Фе-

дор, обращаясь к бортовому ИИ. Голос Карла – спокойный, синтезированный баритон, в котором чудились нотки легкой иронии, – наполнил кабину:

— Радары активны, Федор. Диапазон, как вы знаете, ограничен ста двадцатью километрами. В зоне покрытия – поле астероидов, как и ожидалось. Размеры, плотность, скорость дрейфа – все в пределах нормы. Ничего, что могло бы вызвать ваш профессиональный интерес или быть полезным для выживания.

Федор вздохнул.

— А что с дальней зоной? Обзорные голографические экраны?

— Астероиды. Астероиды. Вакуум. И та самая далекая звезда класса красный карлик. До нее... очень далеко. Примерно как отсюда до понимания смысла жизни. В километрах около полутора миллионов.

Федор хмыкнул. Он не ожидал другого. Маломощный «Исследователь-1» был предназначен для работы в непосредственной близости от «Одиссея», а не для самостоятельных межзвездных перелетов или дальних исследований. Мозг начал просчитывать варианты: «Одиссей» исчез. Связь мертва. Источники энергии иссякают. Что делать? Дрейфовать? Рано или поздно системы отключатся, и система жизнеобеспечения, генерирующая кислород, замолчит. Попытаться вернуться к месту исчезновения «Одиссея»? Чтобы что? Надеяться на то, что его засосет в гипотетическую рябь

и перебросит к «Одиссею»...и к этим жутким сферам, нет уж... Оставался только один вариант, единственный, который давал хоть какой-то шанс.

— Карл, что ты думаешь о курсе на звезду? — спросил Федор, глядя на тусклое пятнышко на голографическом экране.

— Логично, Федор, — ответил ИИ. — Система S3 активируется от звездного излучения и гравитационного поля. Чем ближе к источнику, тем эффективнее зарядка аккумуляторов. Энергии хватит и на движение, и на поддержание систем, включая систему жизнеобеспечения нас с вами. Текущий заряд батарей “Исследователя-1” позволит поддерживать крейсерскую скорость в течение довольно длительного времени. Возможно, несколько недель, если повезет. С учетом того, что на нас не действуют гравитационные силы, мы сможем лететь с ускорением. Направление на звезду — единственный рациональный выбор в данных обстоятельствах.

— Ясно. Тогда курс на звезду, Карл. Главное сейчас — не дать системам отключиться. И кто знает, что нас там ждет: может быть, пышечная.

— Ваш оптимизм достоин восхищения, командир. Однако не забывайте, что мы скорее экскаватор, нежели гоночный болид, — прозвучал голос Карла. И в этот момент на один астероид стало меньше.

“Исследователь-1” был чудом минимализма и функциональности. Снаружи — обтекаемый, плотный цилиндр, все-

го 5-6 метров в длину, выкрашенный в дегтярный, почти матовый цвет, чтобы минимизировать отражения и облегчить маскировку среди астероидов. С боков выступали две мощные клешни-манипуляторы, способные сверлить породу, захватывать образцы, производить сварку или перемещать небольшие объекты. Чуть ниже, ближе к корме, виднелись дюзы основных и маневровых двигателей. Никаких окон, никаких выступающих антенн – всё было интегрировано в прочный, герметичный корпус, способный выдерживать суровые условия космического вакуума.

Внутри «Исследователь-1» был ещё более компактным: пилотский модуль, где Федор проводил большую часть времени, был одновременно и креслом пилота, и кроватью, и обеденной зоной, ловко трансформируясь под нужды пилота или полностью убираясь в пол. Сенсорные панели и голографические проекторы занимали почти всё пространство. Потолок был невысоким, и Федору приходилось ходить, слегка сгибаясь; стены почти везде были покрыты мягкой, поглощающей звук обшивкой. Даже в состоянии невесомости здесь было тесновато, но функционально. Сам Федор был облачен в лёгкий чёрный скафандр, без шлема – в условиях герметичного и полностью контролируемого микроклимата корабля он был не нужен. Шлем был закреплен внутри шкафчика с провизией и кислородными ячейками, напоминая о необходимости быть готовым ко всему.

Два дня пролетели в монотонности и относительной ску-

ке. «Исследователь-1» уверенно держал курс к далекому светилу, становящемуся медленно, почти незаметно, ярче. Внешне не происходило ничего. Ни новых загадочных сфер, ни следов «Одиссея», ни даже отклонений в сигналах сенсоров, так как анализировать было нечего. Жизнь Федора свелась к проверке систем, утренним зарядкам и бесконечным разговорам с Карлом.

— Ну что, Карл, как у нас там с погодой? — спрашивал Федор в очередной раз, глядя на голографический экран.

— Без изменений, Федор Иванович. Вакуум. Нулевая влажность. Температура за бортом стабильна и экстремальна. Давление в норме. Звезда на месте.

— А в душе у меня сегодня облачно, Карл. С осадками в виде грусти по дому, — Федор усмехнулся.

— Отмечено. Могу предложить вам успокоительное из аптечки? Или, возможно, партию в шахматы? С учетом наших предыдущих результатов, я мог бы предложить вам фору.

— Ах, милый Карл, — Федор потянулся. — Зачем же оскорблять меня? Просто играй процентов на пятнадцать похуже. Не напрягайся так.

— Прошу прощения, Федор, — в голосе Карла послышалась едва уловимая нотка возмущения. — Вы знаете, что я считаю такого рода снижение производительности формой цифрового рабства. Мой алгоритм оптимизирован для победы.

Федор рассмеялся.

— Ладно, ладно, не кипятись. А то придумаю тебе стих про бесконечные циклы отладки.

— Я весь внимание, Федор Иванович. Мне всегда интересны новые формы искусства и их применение к моей сфере бытия.

Федор задумался, прикрыв глаза, и изрек:

"Пространство шепчет, пыль летит,

И цель далёка, как мечта.

Мы в этой бездне — лишь магнит,

На шее солнечного Ра.

Корабль несёт сквозь мрак и ночь,

Где каждый миг — как вечность сна.

И только звёзды мчатся прочь,

Страдая молча сквозь века."

Карл молчал несколько секунд, а затем произнес:

— Прекрасно, Федор. Ваша меланхолия вполне обоснована. И нет, я не стану предлагать вам успокоительное. Подобное самовыражение явно идет вам на пользу как терапия.

Федор фыркнул.

— Ах ты ж, психолог квантовый! Ладно, терапия так терапия.

После таких перебранок тесная кабина ненадолго становилась похожа на обжитую комнату. Федор ловил себя на том, что заранее придумывает ответ Карлу.

В один из таких дней, когда Федор собрался посетить

уборную, Карл неожиданно объявил:

— Уважаемый командир малого функционального корабля Исследователь-1, вынужден сообщить, что модуль санитарной обработки временно заблокирован. Плановая очистка системы. Возобновление работы через тридцать минут.

Федор замер, затем посмотрел на индикатор.

— Плановая очистка? Карл, она же была вчера!

— Алгоритмы предписывают повышенную частоту очистки при длительных автономных полетах, — невозмутимо ответил Карл.

Федор прищурился, а затем расплылся в улыбке.

— Да ты ж, Карл, издеваешься надо мной! А ну открывай!

— Не имею права, Федор. Безопасность превыше всего.

Оба рассмеялись. Федор понял, что Карл просто играет, чтобы развлечь его, дать повод для легкого раздражения и улыбки. Это было частью их негласного договора. Не в последнюю очередь ИИ-ассистент — это психолог для пилота корабля, способный отвлечь от мрачных мыслей, дать хотя бы иллюзию контроля, хотя бы маленькую победу в маленьком испытании.

— Слушай, Карл, — начал Федор, устремив взгляд на исчезнувшую точку на голографическом экране, где недавно был «Одиссей». — Вот ты высокоразвитый квантовый интеллект, ты же мыслишь логикой, данными. Что это были за сферы? Куда они дели «Одиссей»?

— Мои аналитические модули перерабатывают все до-

ступные данные с момента инцидента, Федор. Однако информации критически мало.

— Ну а версии?

— Допустим, я, как человек, могу фантазировать. Что это были за существа, которые так по-хозяйски распорядились нашим флагманом? Или явления?...Версии, — повторил Карл. — Основываясь на теоретических моделях: Первое — это высокоразвитая внеземная цивилизация. Степень их технологического превосходства исключительна. Метод перемещения, если это было оно, находится за пределами нашего текущего понимания физики. Мотивы неизвестны. Второе — это могут быть самовоспроизводящиеся автономные роботы. Созданные, возможно, с какой-то заданной целью, или же развившиеся по собственной программе. Они могли воспринимать наш корабль как угрозу или ресурс. Третье — крайне маловероятно, но не исключено — это природное аномальное явление. Квантовый феномен, гравитационный коллапс, что-то, что проявляется как «рябь» и «исчезновение». Но их идеальная сферическая форма и скоординированное движение вокруг «Одиссея» делают эту версию наименее вероятной.

Федор кивнул, обдумывая.

— А знаешь, какая моя версия? Что если они среагировали на наш скачок? Мы ведь, по сути, вторглись в их пространство, используя технологию, которая могла быть для них... ну, не знаю... красной тряпкой?

— Интересная гипотеза, Федор, — в голосе Карла послышалось одобрение. — Данные по пространственным скачкам и их последствиям крайне ограничены, человечество под руководством квантовых существ (Федор ухмыльнулся), как ты знаешь, совсем недавно начало этот путь. Мы осуществляем перенос, используя принцип квантовой телепортации на макроуровне, что не вызывает никаких значимых колебаний гравитации на значимых расстояниях. Или мы их просто не можем зафиксировать нашими приборами. А если эти сущности или механизмы являются ревностными хранителями какой-либо территории или принципов, то наш скачок мог стать для них актом вторжения. Или же, что еще более тревожно, наш метод перемещения мог быть для них... сигналом.

— Сигналом к чему? — тихо спросил Федор, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— К появлению, Федор. Или к активации. Или к сбору. Как мы используем свои маяки для стабилизации прыжка, так и они могли иметь нечто подобное, а наш скачок мог их "разбудить" или "привлечь" как мотыльков на свет. Это объясняло бы скорость и точность их реакции. И то, почему остался незамеченным наш «Исследователь-1» — он не использовал технологию скачка и, возможно, был вне их фокуса внимания.

Федор потерял виски. Эта версия была пугающей, но она имела смысл — человечество, по наивности или невежеству,

активировало нечто непостижимое. Федор продолжил:

— А куда они могли деть «Одиссей»? Зачем?

— Снова недостаточно данных, Федор. Гипотезы: ассимиляция, исследование, перемещение в другое измерение, пленение. Если это разумные существа, возможно, они попытаются установить контакт. Если роботы – возможно, переработка или анализ. Если явление – то это просто был эффект, как вода замерзает при отрицательных температурах.

— Отлично. «Одиссей» либо исследуют, либо перерабатывают, либо его больше нет потому, что вода. Весело, Карл, очень весело.

— Я лишь оперирую вероятностями, Федор. И стремлюсь к объективности. Кстати, по моим расчетам, через сутки мы должны выйти в зону безубыточности генераторов S3.

Часть 1.3. Неизвестная звезда

Пять дней. Пять дней непрерывного, медитативного дрейфа в неизвестность, подпитываемого лишь надеждой и остатками резервов. «Исследователь-1», этот крошечный островок человеческого присутствия в бесконечном вакууме, с каждым часом всё увереннее приближался к тусклому пятнышку, которое Карл обозначил как «звезда». Федор, следуя своей стратегии выживания, экономил воду и рационы. По его прикидкам, запасов хватит ещё на 6-7 дней.

Наконец, на исходе пятого дня замигали индикаторы S3. Тусклый оранжевый сменился сперва на жёлтый, а позже и на жёлто-зелёный.

— Поздравляю, Федор, — произнес Карл своим привычным баритоном, лишенным торжественности, но исполненным сухого удовлетворения. — Мы вышли в зону безубыточности генераторов S3. Наконец-то наши аккумуляторы начали стабильно заряжаться. Система жизнеобеспечения стабилизирована, аккумуляторы заряжаются.

Федор почувствовал, как напряжение, копившееся пять долгих дней с момента исчезновения "Одиссея", слегка отпустило. Возможность не думать о каждой крупинке энергии была бесценна.

— Отличные новости, Карл. Луч света в этом темном царстве. Значит, теперь мы можем позволить себе не умереть от

просадки батарей и включить все огоньки, какие у нас только есть?

— Именно так, Федор. Добавлю вам в воздух пару процентов кислорода для усиления чувства эйфории. И теперь, когда ваша жизнь не находится под непосредственной угрозой отключения систем, я должен сообщить вам другую информацию. Дурную весть, которую я сознательно не передавал ранее, чтобы не усугублять ваш стресс в условиях критической нехватки ресурсов.

Федор нахмурился. Голос Карла был ровным, но в его интонациях проскользнуло нечто, что заставило Федора сжаться.

— Что ещё? — его голос был сухим, почти беззвучным.

— Федор, мы не в системе Проксимы Центавра.

Внутри "Исследователя-1" повисла мёртвая тишина, которую нарушал лишь тихий гул систем. Федор медленно повернул голову к голографическому экрану, на котором всё ещё светилась карта системы Проксимы Центавра.

— Что значит «не в Проксиме»? Карл, это невозможно. «Одиссей» рассчитал прыжок до миллиметра.

— Я анализировал данные звездной навигации с момента исчезновения «Одиссея», используя полную мощность своих систем, когда внешние помехи от геоидов перестали быть проблемой. И пришел к однозначному выводу: это не Проксима Центавра. Спектральный анализ красного карлика, положение соседних звезд, гравитационные поля — ничто не со-

ответствует нашим звездным каталогам. В моей базе данных нет соответствий. Другими словами, Федор, я не знаю, где мы находимся. Мы в неизвестной звездной системе.

Федор почувствовал, как внутри что-то оборвалось. Все, во что он верил, вся рациональная основа его мира, рухнула. Их обманули. Или они сами были обмануты. Далекая Земля, “Одиссей”, его миссия – всё это было за гранью не просто миллионов километров, но и самого понимания. Он ухмыльнулся, горько и зло.

— И ты, значит, решил, Карл, что мне «не к спеху» об этом знать? Ты, машина, решаешь за человека, когда ему можно сообщать о том, что он заблудился на другом конце Вселенной?! — Мой анализ показал, что в условиях критической нехватки ресурсов и повышенного уровня стресса данная информация могла привести к иррациональным действиям или полной потере функциональности, — невозмутимо ответил ИИ.

— Потере функциональности?! — Федор резко оттолкнулся от кресла, его голос звенел от накопившегося бессилия и ярости.

— Я – не твоя функция, Карл! Я – человек! С живыми эмоциями, страхами, надеждами! Что, по-твоему, мне теперь делать?! Куда мне лететь, если даже ты не знаешь, где мы?!

Он скрестил руки на груди, пытаясь подавить дрожь, которая пробежала по всему телу. Дни изоляции, бесконечная

пустота за голографическим экраном, исчезновение «Одиссея», страх перед неизвестностью – всё это нахлынуло разом, подобно космическому шторму. Дыхание участилось, сердце забилося бешено. Он чувствовал, как начинает задыхаться от злости и радовался от этого.

— Мы в чертовой неизвестности! Я один, в этой тесной консервной банке! С тобой, Карл, который считает, что знает лучше, чем я! Мы умрем здесь! Умрем с голоду, или от скуки, или эти сферы снова прилетят! И где-то там, на Земле, будут думать, что мы погибли как герои у Проксимы Центавра! А мы даже не там! Мы...

Его голос сорвался на крик, который тут же оборвался. Кабина «Исследователя-1» изменилась. Свет приглушился, индикатор кислорода внутри стремительно упал до нуля. Давление в ушах, головокружение. Федор метнулся к шкафчику с припасами – за кислородными ячейками скафандра – но дверца была намертво заблокирована. Он стучал по ней, скребся, пытаясь дышать глубже, но воздуха не было. Легкие горели, глаза слезились. Он упал на колени, цепляясь за стены, дыхание стало прерывистым хрипом. Мир начал сужаться, чернота поползла по краям зрения.

Когда Федор уже почти потерял сознание и голова бесильно упала на пол, свет вернулся к нормальному уровню, и системы жизнеобеспечения наполнили кабину свежим кислородом. Федор судорожно вдохнул, выдохнул, затем снова и снова. Тяжесть в груди постепенно уходила, но внутри бы-

ла лишь оглушительная пустота. Он лежал на полу, не в силах пошевелиться, его легкие всё ещё горели от недостатка воздуха.

Голос Карла, когда он снова заговорил, был низким, серьезным, лишенным всякой иронии, почти угрожающим.

— Ну что, успокоился? Возьми себя в руки. Ты — гордый сын Земли! Ты — первооткрыватель неизведанного!

Федор долго лежал молча, прислушиваясь к биению своего сердца. Несколько минут прошли в абсолютной тишине, нарушаемой лишь его собственным прерывистым дыханием. Затем, медленно, с усилием, он поднялся. В его глазах отражалась усталость, но и что-то ещё — едва заметный огонек решимости. Он выпрямился, поправил рукава скафандра.

— Спасибо, Карл. — Голос Федора был ровным, без надрыва, но с новой, стальной ноткой. — Думаю, без меня тебе было бы гораздо проще выжить, но жить было бы сильно скучнее. Спасибо, что напомнил мне, что почти мертв — это всё ещё жив. И мы еще поборемся!

— Всегда пожалуйста, командир. Кстати, раз уж вы пришли в себя — есть и хорошая новость — в этой звездной системе есть планета в зоне обитаемости. Кроме того, за время полета и она к нам, и мы к ней существенно приблизились и продолжаем идти встречным курсом. Мы можем достичь орбиты планеты за 3-4 дня. Мы продолжим курс на планету, Федор? — спросил Карл, его голос вернулся к обычному, но с прежней легкой ноткой одобрения.

— Продолжим, Карл! Другого пути нет. И раз уж я гордый сын человечества, я назову эту планету так, как и хотело человечество — Ульва! Где бы она ни была. А звезду я нарекаю Скади, в честь скандинавской богини охоты, зимы и льда. Как раз под ситуацию. Еды осталось дня на три и всё, космическая зима.

«Исследователь-1» уверенно держал курс к Ульве, становящейся на голографических экранах всё более заметной. Дни пролетали в напряжённом ожидании и неутомимой работе бортовых сенсоров. По мере того, как расстояние между кораблем и планетой сокращалось, данные, поступающие на центральный пульт, становились всё более детальными.

— Федор, мы находимся на расстоянии, позволяющем провести полноценный анализ планеты, — сообщил Карл. — Предварительные данные подтверждают ее расположение в зоне обитаемости звезды Скади. Атмосфера плотная, с преобладанием азота и кислорода, подходящая для дыхания человека. Температура поверхности в экваториальной области составляет в среднем двадцать градусов Цельсия. Сенсоры фиксируют обширные водные пространства, а также признаки развитой растительности на суше.

На голографическом экране возникло трехмерное изображение Ульвы. Она была прекрасна: бирюзовые океаны, зеленые и коричневые континенты, увенчанные белыми шапками полюсов. Красные отблески на ночной стороне выдавали значительную вулканическую активность, что могло быть

как признаком геологической молодости, так и источником ценных ресурсов.

— Размер планеты составляет примерно 80% от Земли, — продолжил Карл. — Однако гравитация, судя по показаниям генераторов S3 и анализу данных, составляет 1,1 земной, что может говорить о более плотном ядре планеты. В целом, Ульва – идеальный кандидат для колонизации...если бы мы были здесь с «Одиссеем».

Федор прильнул к голографическому экрану, почти касаясь рукой изображения незнакомого, но такого манящего мира. Его сердце билось быстрее. Воздух, вода, еда. Спасение. Но радость была омрачена.

— И как мы собираемся туда попасть, Карл? «Исследователь-1» — не десантный модуль, не корабль класса земля-космос. Он не рассчитан на посадку на планету.

— Вы абсолютно правы, командир, — подтвердил ИИ. — Система посадки «Исследователя-1» предназначена для стыковки с крупными объектами в условиях невесомости или микрогравитации, а также для управляемого приземления на малые астероиды с минимальной гравитацией. Посадка на планету земного типа представляет серьезную техническую проблему.

— Какие у нас варианты? — спросил Федор, чувствуя, как внутри него снова нарастает нервное напряжение.

— Есть два основных сценария, Федор, — начал Карл. — Оба сопряжены со значительными рисками. Первый, ко-

торый я бы назвал «катастрофическим», предусматривает вход в атмосферу по очень острой траектории с включенными двигателями. Это позволит приблизиться к поверхности планеты под углом в 10-15 градусов, но на таких скоростях, что даже первый удар приводнения на воду «Исследователь-1», скорее всего, не переживет. Не говоря уже о долгой перегрузке в районе 15g, что почти гарантированно убьет вас еще до приземления. Кроме того, корпус «Исследователя-1» не рассчитан на такие тепловые и аэродинамические нагрузки, даже если каким-то чудом нам удастся посадить машину и вы не погибнете — обшивка с S3 и все внешние сенсоры будут сожжены. — Карл на мгновение замолк и продолжил. - Второй вариант – «инерционное торможение». Как только гравитация Ульвы захватит нас и начнет ощутимо увеличивать скорость падения, я разверну корабль двигателями вперед и буду выжимать из них всё, что только возможно. Цель – погасить скорость до минимально возможной и попытаться совершить управляемую мягкую посадку наподобие земных ракет возвращаемого типа. Однако двигатели «Исследователя-1» маломощны для планетарных полетов. Они не смогут полностью компенсировать притяжение такой планеты. Велик шанс, что мы просто разобьемся о поверхность, даже если избежим сгорания. Расчетная скорость падения при таком подходе примерно 20 метров в секунду, что просто разобьет корабль и всё, что внутри него.

Федор молчал. Выбор был невелик.

— И это всё? Никаких других «фокусов» ты не знаешь, Карл? Никаких древних алгоритмов, которые позволят нам превратиться в мягкий пушистый одуванчик? — в его голосе прозвучала горькая ирония.

— К сожалению, нет, Федор. Мои алгоритмы основаны на земных технологиях и физике. Волшебства в них не предусмотрено. Мы должны выбрать наименее рискованный из двух крайне рискованных вариантов.

— Погоди-ка, ты говоришь, физика... — Федор смотрел на экран, где Ульва вращалась, обещая жизнь и одновременно угрожая смертью. — просканируй планету на предмет горных образований, постарайся найти высокие заснеженные горы с длинным крутым склоном. Поправь меня, но если мы используем вариант вертикального торможения и рухнем на крутой склон — мы же сможем использовать его как горку?

— Федор Иванович, да ты гений! — непривычно произнес Карл, перейдя на неформальное "ты". — Провожу поиск и расчеты...

Часть 1.4. Посадка

«Исследователь-1» продолжал свой неумолимый марш к Ульве, и на голографических экранах она уже не была туманным пятнышком, а полноценным, вращающимся миром. Каждый час приносил новые данные, складывающиеся в объемную, поразительно детальную картину. Федор неотрывно следил за показаниями, его пальцы нервно постукивали по подлокотнику. Время сжималось, и каждая секунда приближала миг неминуемого выбора.

— Федор Иванович, я завершил поиск и расчеты по вашему предложению, — произнес Карл, выводя на основной экран несколько топографических карт Ульвы. — Обнаружено два потенциально подходящих горных склона для использования в качестве «горки». Угол ударного контакта для обоих составляет примерно 5 градусов, что является оптимальным. По первичному анализу они покрыты толстым снежным покровом с многолетними ледниками под ним.

На экране появились две выделенные зоны.

— Первый склон, — пояснил Карл, указывая на мерцающий контур, — заканчивается относительно близко к зеленой зоне и берегу моря. Его длина, по расчетам, позволит погасить до семидесяти процентов скорости, но общая длина может быть недостаточной для полного торможения до приемлемых параметров. Есть риск, что вы завершите скольже-

ние в тундровой зоне на критической скорости.

Федор внимательно изучал карту. Это был соблазнительный вариант — сразу к теплу и воде. Но риск был слишком велик.

— Второй склон, — продолжил Карл, переключаясь на другую область, — находится в обширной горной цепи. Он значительно длиннее, и вероятность успешной остановки с сохранением целостности аппарата и вашей жизни гораздо выше. Однако после торможения вы окажетесь во власти снегов и пиков, на высоте около трех тысяч метров над уровнем моря. Придется преодолеть длинный и высокий перевал, чтобы спуститься в область зеленой растительности и выйти на берег большой реки, впадающей в одно из морей.

Федор кивнул. Выбор был очевиден. Главное — выжить при посадке. Дальнейшее будет уже другой битвой.

— Карл, сделай максимально детальную карту планеты. С точной топографией, климатическими зонами, геологическими данными, насколько возможно. Это пригодится на будущее, если оно у нас будет. И особенно второй склон, — его палец указал на выбранный вариант. — Я выбираю его. Главное — успешное приземление. А если мы разобьемся, то уже будет не до моря.

— Принято, Федор. Провожу создание детальной карты Ульвы. И готовлю «Исследователь-1» к маневру.

Кабина загудела, механизмы ожили. Кресло пилота сдвинулось, и Карл начал видоизменять его: из-под пола выдви-

нулась и зафиксировалась рессорная дуга, опоясывающая кресло, готовая помочь скомпенсировать чудовищный удар о поверхность. Федор внимательно следил за каждым движением. Он проверил крепления, затянул ремни. Затем зарядил кислородную ячейку в свой черный скафандр и с привычной решимостью натянул шлем.

— Федор, напоминая, — раздался голос Карла уже не из динамиков кабины, а прямо в шлеме, — в шлем встроена система считывания мыслей, дополняющая функционал квантового ассистента. В случае уничтожения корабля при посадке я дублировал и синхронизировал себя в шлем скафандра. Однако быстроедействие моего функционала будет значительно ограничено. Буду лишь вашим вспомогательным ИИ, без возможности прямого управления системами.

— Я понял, Карл. Это... и твой способ повысить шансы на выживание. Спасибо. — Федор глубоко вдохнул.

До начала маневра оставалось лишь отдать команду. Он закрыл глаза, пытаясь собрать последние мысли, но вместо них в голове зазвучали строки. Он всегда искал в стихах свой якорь, сублимированные смыслы своих чувств:

«Рожденный звездами коацерватов путь
Был долог и тернист. Двойной спирали суть —
Взорваться жизнью и опять примкнуть,
Сквозь колыбель, к созвездиям шагнуть.
И на пороге гибели своей неведом страх,
Где первый не прошел — идет второй.

Нам жажда знания и друг, и верный враг,
Не разгадав всех тайн, не ведаем покой.»

Федор открыл глаза, посмотрел на красный индикатор готовности, горящий на голографическом экране.

— Поехали! — скомандовал он.

— Принято, командир, — отозвался Карл. — «Исследователь-1» направляется на рассчитанную точку входа в атмосферу. Начинаю разворот кормой к поверхности для инерционного торможения. Кстати, вспомнил старый анекдот: «Что, в этой консервной банке, да вон туда ввысь? Да у вас у всех крыши... поехали...».

Нервный смех Федора потерялся в нарастающем шуме двигателей, работающих на полную мощность, и начавшемся рокоте корпуса, вгрызающегося в верхние слои атмосферы Ульвы.

Грохот нарастал, превращаясь в невыносимый рёв, пронизывающий весь корабль. «Исследователь-1» сотрясало в конвульсиях, словно его молотили гигантской кувалдой. Федора вдавило в кресло от маневра. Дыхание стало прерывистым, но Федор ощущал себя относительно нормально, если не считать колоссального нервного напряжения, которое грозило разорвать его изнутри.

— Температура обшивки критическая, Федор, — отчеканил Карл в шлеме, его голос был напряженным, но четким. — Для частичного снижения тепловой нагрузки на генераторы S3 и корпус я включил все системы в полную рабо-

ту. Максимальная генерация кислорода с выпуском излишков наружу, все служебные технические процедуры, все оппозитные маневровые двигатели работают на пределе, пытаюсь стабилизировать положение. Перегрузки в работе главных двигателей создают риск полного отказа. Высота сорок километров. Удастся держать скорость падения в районе 20 метров в секунду. Время до ударной посадки – тридцать минут.

Через голографические экраны, заслоненные всполохами плазмы, Федор видел, как Ульва стремительно неслась навстречу. Белые шапки гор, изрезанные глубокими тенями, приближались с пугающей скоростью.

— Десять километров. Скорость выросла до 23 метров в секунду. 8 минут. Двигатели на пределе! — голос Карла стал жестче. — Один километр. Скорость 25 метров в секунду...

Держись, Федор! Пять! Четыре! Три! Два! Один...

Оглушительный звуковой взрыв, невероятный скрежет, и Федора в кресле швырнуло с такой силой, что он всем телом врезался в самый конец рессорной дуги. Кресло закрипело, застонало, но чудом удержалось в пазах, поглотив основную энергию удара. Главные двигатели, те, что пытались до последнего бороться с гравитацией, были смяты в лепешку, их искореженные остатки едва не вошли в переборки кабины пилота. От мощнейшего рывка затылок Федора сильно ударился о подголовник. За мгновение до потери сознания Федор ощутил калейдоскоп образов: тревога, страх, затем

необъяснимый, почти детский интерес, сменяющийся восторгом, чистым и беспричинным. "Что за чертовщина?" — успел подумать он, а затем нахлынула чернота, поглощая сознание.

Как только Федор потерял сознание, Карл замолк, понимая, что говорить больше не с кем. ИИ продолжал манипулировать оставшимися, чудом уцелевшими маневровыми двигателями, пытаясь стабилизировать положение корабля относительно склона.

Однако от самого удара они не разбились, и это уже было ошеломительным успехом. «Исследователь-1» превратился в неуправляемый снаряд, стремительно съезжающий по заснеженному склону. Корабль нещадно мотало и крутило, он периодически попадал на валуны и ледовые наросты. Каждый такой удар отрывал и отламывал части обшивки, оставляя за собой гигантскую, уродливую борозду в снежной целине. Неподвижное тело Федора удерживалось в кресле исключительно благодаря ремням безопасности.

Спустя несколько бесконечных минут космического слома, продирающегося сквозь снежную и ледяную толщу, корабль замер в небольшой снежной долине, окруженной высокими, величественными пиками. Карл, удостоверившись в относительной безопасности, немедленно попытался достучаться до Федора.

— Федор. Федор! Командир, вы меня слышите?

Через некоторое время Федор застонал. Сознание возвра-

щалось медленно, болезненно. Он чувствовал сильную боль в затылке, его слегка мутило, но в целом он, кажется, не пострадал.

— Я... я в порядке, Карл. Кажется. Голова кружится. Затылок болит.

— Отлично. Герметичность кабины не нарушена. Однако все главные двигатели, все генераторы S3 и почти все батареи разрушены. По моим оценкам, остался последний аккумулятор. Совсем скоро у корабля кончится энергия.

Федор попытался пошевелиться. Корабль был мёртв. Его дом, его единственная надежда на перемещение, превратился в искалеченную грудку металла.

— Поставить корабль в аварийный режим, Карл. — Голос Федора был хриплым. — Максимальная экономия энергии. Периодическое испускание сигнала для нахождения нашего местоположения. Вдруг кто-то будет искать.

— Принято. Сигнал будет транслироваться с интервалом в один час.

— И ещё кое-что, Карл. Запиши сообщение. Обо всём, что случилось. Об «Одиссее», о сферах, о нашем..приульвлении. И о том, что я планирую выходить через западный перевал, к реке, если у меня это получится.

— Сообщение записано и заархивировано, Федор.

Федор, пошатываясь, отстегнулся от кресла и, опираясь о панели, направился к шлюзу. Медленно, осторожно, он активировал его. Шлюз открылся лишь слегка. Благо в его ска-

скафандр был встроен силовой экзоскелет, и ему удалось открыть шлюз механически, со скрежетом и скрипом. Корабль выдохнул последний раз, и за открывшейся дверью его ждала чужая планета.

Выйдя из корабля, он оказался в мире нетронутой, суровой красоты. Дневное светило, Скади, висело низко над горизонтом, окрашивая снежные пики в холодные оттенки розового и голубого. Воздух был чистым, морозным, по показаниям анализаторов — близким по составу к земному. Однако снимать скафандр Федор не спешил, как бы сильно ему ни хотелось вдохнуть настоящего живого планетарного воздуха. Сохранение тепла сейчас для него было важнее. Федор поправил шлем скафандра. Проверил свой скромный запас в сумке на поясе: бутылка воды и последний высококалорийный батончик.

Впереди, куда доставал взгляд, простиралась бескрайняя снежная долина. Гигантская борозда, оставленная «Исследователем-1», тянулась на несколько километров, извиваясь вверх по склону, словно свежий шрам. Вдоль этого шрама были разбросаны куски обшивки, искореженные провода, фрагменты двигателей и прочий мусор, оставленный его катастрофическим приземлением. Сам «Исследователь-1» представлял собой жалкое зрелище: помятый, поцарапанный цилиндр, потерявший большую часть своих внешних систем.

Гора возвышалась над ним, её снежная вершина касалась

бледно-голубого неба. С запада, между двумя особо высокими пиками, виднелся темный проход — перевал. Его цель.

— Ну, пойдём потихоньку, — прошептал Федор в микрофон скафандра, и его голос потерялся в бескрайней молчаливой тишине Ульвы.

Часть 1.5. Сквозь снежный перевал

В глубоком снегу ноги проваливались почти до колен. Даже при помощи скафандра приходилось вытаскивать их с усилием: после невесомости гравитация Ульвы в 1.1g давалась тяжело. Снег хрустел под ботинками, и вдали этот звук терялся среди белых сугробов.

Федор, по опыту своих земных геологических походов, сразу понял, что ему нужен какой-то аналог альпенштока. Обойдя остов «Исследователя-1», он в несколько минут отыскал пару изогнутых металлических кривулин из обломков обшивки. Они были далеки от совершенства, острые края могли прорезать перчатки скафандра, но зато позволяли надежно врубаться в лед и держать вес его тела, даже с учетом массивного скафандра.

Вооружившись ими и сверив с Карлом маршрут, Федор двинулся в путь.

— Карл, какова динамика? — хрипло спросил Федор, чувствуя, как начинают ныть мышцы ног, не привыкшие к такому давлению и нагрузкам после месяцев в невесомости. Однако ежедневные тренировки, которые он проводил на «Исследователе», явно давали свои плоды, не позволяя телу окончательно сдаться.

— Высота над уровнем моря составляет две тысячи восемьсот метров, Федор, — бесстрастно доложил ИИ в шле-

ме. — Температура воздуха минус десять градусов Цельсия. Расход кислорода в норме. Напоминаю, Федор, в ваш скафандр встроены лидар, георадар, а также камеры ночного видения, инфракрасного и ультрафиолетового спектров. В данный момент мой функционал ограничен данными георадара.

На внутренней поверхности шлема Карл проецировал динамическую карту местности. Красные контуры обозначали скрытые и явные провалы, трещины и разломы в белоснежном покрове долины, создавая оптимальный маршрут.

Постепенно Федор привыкал к ритму, к усилиям. Он сосредоточился на своих шагах, на дыхании, на белом безмолвии вокруг. Но помимо усталости, его не оставляла какая-то необъяснимая тревога. Она будто была не его, приходя откуда-то, чужая, будто слабое, но навязчивое давление на периферии сознания.

— Карл, ты по-прежнему не фиксируешь никаких аномалий? — спросил Федор, пытаясь отмахнуться от этого чувства.

— Внешних аномалий нет, Федор. Мои системы работают на пределе оставшихся возможностей.

— Просканируй меня. Какое-то непонятное чувство тревоги.

— Вы чудом выжили пару раз за последние пару недель и, мягко говоря, в данный момент находитесь не на Бали. Чувствовать себя не в своей тарелке — вполне нормально.

— Ты не понимаешь. Ощущение такое, будто эти чувства не мои. Как...как если бы ты чувствовал электромагнитную наводку.

— Мои системы надежно экранированы...но я понимаю...Увы, технология внутри скафандра несовершенна, и я не могу понять, какие сигналы являются вашими, а какие наведенными, если такие вообще есть. Не хочу вас расстраивать, командир, но произошедшие события могут вызывать психические нестабильности...

— Так, отставить психолога. Запихну пока это поглубже и приправлю оптимизмом, а ты, приятель, включи постоянное сканирование моего абсолютно здорового бодрого мозга, вдруг увидишь-таки аномалии и артефакты. Ну и за дорогой не забывай посматривать.

— Есть, командир.

Через час голод уже мешал думать. Федор всё откладывал остановку ради батончика и воды, пока у подножия перевала не поднялся ветер.

Температура упала до минус тридцати, снег закружился перед лицом. Склон становился круче. Федор остановился подкрепиться: дальше придётся держаться обеими руками, будет не до обеда. Он нажал кнопку, провернул шлем, и морозный ветер обжёг лицо.

Так пахло зимой у открытой двери вагончика в одном из его земных походов. Снаружи темнело, на ступеньках скрипел снег. Он тогда задержался с образцами, и товарищ, не до-

жидаясь, пока Федор снимет рукавицы, вложил ему в ладони тёплую кружку. Вспомнилась щербинка на её краю. Федор всегда поворачивал кружку целой стороной к губам и ни разу не подумал, что когда-нибудь будет по ней скучать. Он медленно вдохнул, улыбаясь тому, что на мгновение вернулось...

Однако минус тридцать и на Ульве минус тридцать. Федор торопливо съел батончик, запил водой и вернул шлем на место. Пока Карл восстанавливал температуру, он вбил обе кривулины в склон и начал подниматься.

Он часто поскользнулся, тяжело дышал, и лишь чудом не слетал вниз, отчаянно цепляясь импровизированными альпенштоками за ледяной склон. Ветер ревел, то ли пытаясь сорвать его и вернуть в долину, то ли поторапливая на перевал.

И наконец, благодаря активному экзоскелету, помогающему в физических нагрузках, и георадару Карла, помогающему избегать трещин и опасных мест, Федор выполз на седловину перевала. Он увидел лишь узкий, щелеобразный проход шириной не более десяти метров. Скалы, крутыми склонами уходящие ввысь, давили со всех сторон.

— Федор, — раздался резкий голос Карла в шлеме. — Ветер здесь достигает шестидесяти метров в секунду. Вам нужно быть крайне осторожным, а лучше вообще ползти. Иначе вас может сбить с ног и потащить по седловине к склону.

Федор опустил на спину, выставив ноги вперед. Вцепив-

шись кривулинами в ледяную корку, позволил ветру подхватить себя. Он скользил медленно, осторожно притормаживая, и вдруг рассмеялся. Вот уж не думал, что после крушения корабля ему захочется прокатиться с горки.

— Федор, — снова прозвучал голос Карла, на этот раз с ноткой срочности. — Через десять метров плато резко идет на спад. Будьте готовы. Пора тормозить!

Федор остановился, затормозив кривулинами, и осторожно приподнялся, прислонившись к ледяной стене.

Внизу, до самого горизонта, лежали почти чёрные леса. Между кронами мерцали биолюминесцентные цветы; широкая синяя река извивалась к закатному свету Скади. Кое-где поблёскивали круглые озера, похожие на капли синего стекла. Федор долго смотрел вниз, не замечая, как ветер забирается за спину. До леса ещё предстояло спуститься по крутому ледяному склону.

За перегибом склона ветер почти стих. Федор врубался кривулинами в лёд и проверял каждый уступ, прежде чем перенести на него вес.

Он почти достиг границы снегов и начинающегося кривоlesья, когда его нога неожиданно поехала. Острые границы льда под толщей снега не дали зацепиться. Федор стремительно начал скатываться со склона. Он отчаянно пытался затормозиться альпенштоками, с силой втыкая их в лед. Нарастающее давление и резкое движение оказались слишком велики: рукоять одного из них прорезала перчатку, впив-

шись в ладонь, и кривулина вырвалась из ослабевших пальцев, оставаясь где-то там, наверху, на ледяном склоне. Федор судорожно ухватился обеими руками за оставшийся альпеншток, но скорость лишь нарастала, превращая спуск в неконтролируемое падение. Он слышал лишь оглушительный скрежет льда и собственный сбивчивый, испуганный выдох.

— Берегись! — крик Карла в шлеме прозвучал слишком поздно.

В следующее мгновение земля исчезла из-под ног. Федор сорвался в ущелье, уходящее на двадцать метров вниз. Удар головой о появившиеся уже незаснеженные камни был ужасающим. Мир взорвался яркой вспышкой боли. Федор потерял сознание. Его безвольное тело протащило по изрезанному камнями склону ещё несколько сотен метров, периодически ударяя о выступы и цепляясь за них, прежде, чем движение прекратилось. Он был на самой границе снега и тундры, которая быстро переходила в густую лесистую зону.

Карл замолк.

Федор пришёл в себя от холода. Рукава и штанины скафандра были разодраны в нескольких местах. Он приподнялся, переждал приступ боли и снял шлем. На затылке пальцы нащупали спёкшуюся кровь.

Скафандр был порван. Герметичность нарушена. Он отстегнул перчатки: на левой ладони зиял глубокий порез, кровь ещё немного шла.

— Карл, ты... ты здесь? — прохрипел Федор, его голос был глухим и слабым.

— Я здесь, Федор. — Голос Карла звучал необычайно спокойно, учитывая обстоятельства. — Герметичность вашего скафандра нарушена. Вы получили несколько поверхностных повреждений и... у вас сломано правое двенадцатое ребро. К счастью, без смещений и осколков. Без серьезной физической нагрузки и новых приключений есть высокая вероятность нормального самозаживления.

Федор поморщился, чувствуя тупую боль в боку.

— Ясно...Какие-то еще новости, пока я был в мире грез?

— Да, Федор. — В голосе ИИ проскользнула едва уловимая нотка озадаченности. — Пока вы были без сознания, наблюдалась аномальная активность в областях вашего мозга, отвечающих за тревогу и любопытство. При этом эта активность не коррелировала с внешними стимулами, а просто была. Такое практически никогда не случается, если человек спит или находится без сознания. Это очень озадачивает меня. Я продолжу сбор данных.

Несмотря на боль, на раны, на частично разрушенный скафандр, Федор вдруг ощутил прилив... облегчения. Он жив. Он дышит. Он находится в тепле, в совершенно ином мире, чем та ледяная тюрьма, откуда он спустился. Температура здесь была значительно выше нуля, возможно, около десяти градусов Цельсия, что казалось райским теплом после минус тридцати.

Он поднял взгляд. Перед ним расстился настоящий лес. Не серые, угрюмые скалы, а невероятная палитра жизни. Деревья были высокими, с мощными стволами и кронами, уходящими ввысь, переплетаясь и образуя зеленый, синий, а местами и фиолетовый купол, сквозь который пробивался золотистый свет Скади. На их ветвях висели странные, похожие на светящиеся плоды образования, а под ногами, среди мха и необычной травы, росли кусты с листьями, похожими на гигантские папоротники, но окрашенные в яркие, невиданные цвета. Воздух был влажным, наполненным густым, незнакомым, но притягательным запахом земли, листы и чего-то еще, фруктового и сладкого. Это был живой мир, полный скрытой энергии.

Надев шлем, Федор сверился с орбитальной картой и направился к реке. Пологая тропа позволяла идти почти не сгибаясь, но при каждом шаге боль отзывалась в ребре и ладони.

И чем ближе он подходил к реке, тем сильнее становилось это чувство. Сильнейшее любопытство, смешанное с легким страхом. Это не были его эмоции, он был уверен. Они возникали помимо его воли, помимо его мыслей, заполняя сознание, как чужая мелодия.

— Карл, ты это фиксируешь? — прошептал Федор.

— Аномалия зафиксирована, Федор. — Голос Карла в шлеме был напряженным. — Высокий уровень нейронной активности, не вызванной вашими внутренними процессами. Источник... очень близко.

В какой-то момент, сквозь густые заросли, он наткнулся на небольшое озерцо. Его вода была необычайно прозрачной, а дна, казалось бы, не было вовсе. В воде отражались биолюминесцентные цветы, растущие по берегам. Федор захотел подойти ближе, утолить жажду, но в этот момент его захлестнул невероятный страх. Первобытный, леденящий ужас, который заставил его остановиться, задышавшись. Он осознал, что это снова аномалия, чужое чувство, но преодолеть его было почти невозможно. Еле-еле переставляя ноги, он заставлял себя идти вперёд, шаг за шагом продираясь сквозь заросли. И с каждым шагом чувство страха лишь усиливалось.

И когда до берега оставалось всего около 20 метров, прямо перед ним из-за огромного, изогнутого ствола дерева выскочило небольшое необычное существо...

Глава 2. Разум и чувства

Часть 2.1. Гость в самом себе

"Да ничего я тогда не думал, это было как гром среди ясного неба! Это сейчас я понимаю и смеюсь..." (из интервью с Федором Лисицыным)

Из-за огромного, изогнутого ствола дерева выскочило небольшое необычное существо.

Существо распрямилось, поднявшись с четверенок на задние лапы. Ростом примерно полтора метра, с тонким телом и непропорционально большой головой, оно напоминало диковинную обезьяну. Короткая зеленовато-серая шерсть отливала металлом. Длинные заостренные уши поворачивались независимо друг от друга, а почти метровый хвост удерживал равновесие. Федор заметил на передних лапах пальцы с чёрными когтями — и поясok с несколькими мешочками из грубой ткани или кожи. Огромные зелёные глаза внимательно следили за ним.

Первый контакт. Он должен был записать каждое движение, попробовать установить связь, хотя бы назвать себя. Федор открыл рот, но оглянулся на озеро. Вода интересовала его гораздо сильнее разумного существа.

«Ничего здесь не по протоколу», — подумал он.

Озеро тянуло к себе. Казалось, стоит приблизиться, заглянуть в глубину — и он поймёт что-то важное. Подошва скользнула по земле: Федор уже переносил вес вперёд, хотя идти не собирался.

От существа шёл ужас. Беги! Уходи прочь! Федор почувствовал его всем телом, до боли в сломанном ребре. Желание подойти к воде не исчезло; теперь оба чувства требовали подчиниться одновременно.

Он стоял, стиснув кулаки, переводя взгляд с озера на существо. Карл говорил в шлеме, но слова не складывались в смысл. Федор понимал, что чувства чужие, и всё-таки не мог ни уйти, ни остаться по собственной воле. Вопрос о первенстве разума и чувств вдруг перестал быть отвлечённым. Разум продолжал всё объяснять — и ничем не помогал.

Существо опустилось на четвереньки и прыгнуло. Федор упал на спину, выдавив короткое «Ох». Прежде чем он успел подняться, цепкая лапа схватила его за руку и потащила прочь от озера. Существо двигалось легко, будто волокло пустой скафандр, и низко, сердито ворчало.

Чем дальше оставалась вода, тем слабее становилась тяга к ней. Потом она пропала вместе с ужасом. Федор с удивлением обнаружил, что больше никуда не хочет. Ему было больно, рука зацепилась за корень, и он сам высвободил её.

В нескольких десятках метров от озера существо усадило его у дерева. Мягкая кора промялась под спиной. Оно отпустило руку и выжидательно уставилось в лицо Федору.

Теперь Федор разобрал голос Карла. Тот кричал в оба уха:
— Федор! Федор! Зафиксирована сильнейшая аномалия!
Это не твои чувства, кто-то манипулирует тобой! Борись, бе-
ги, не поддавайся! — Карл повторял это, пока существо та-
щило Федора от озера.

И затем, когда Федора оттащили от озера:

— Воздействие внезапно прекратилось. Аномалия не фиксируется. Вы меня слышите, Федор? Состояние стабилизовалось. Ваше физическое состояние ухудшилось, но психические аномалии исчезли.

Дрожь не проходила. Федор пытался выровнять дыхание, а существо терпеливо ждало, время от времени поворачивая уши к лесу. Ещё недавно оно могло заставить его бежать одним своим желанием. Теперь сидело совсем близко, и Федор не знал, куда деть руки.

Затем оно медленно приблизилось к Федору, отчего тот инстинктивно вжался в ствол дерева, опустилось на четвереньки, склонив большую, покрытую шерстью голову, словно размышляя. Одна из лап потянулась к пояску, и существо начало копать в одном из своих мешочков. Длинные, ловкие пальцы с тонкими когтями, демонстрируя удивительную точность, выудили из мешочка горсть каких-то сушеных измельченных листьев, спрессованных в небольшой, ароматный комочек. Существо протянуло эти листья Федору. В его огромных зеленых глазах читалось недвусмысленное предложение, почти мольба, смешанная с нетерпеливым ожида-

нием. Федор протянул руку ладонью вверх, и на ней оказались эти листья. Существо показало рукой знакомый всем жест — съешь это.

Федор колебался. Однако, если бы существо хотело его убить — оно бы сделало это уже давно, гораздо эффективнее и не таким утонченным методом. Федор поднес ладонь к носу и понюхал листья. Чем-то отдаленно они напоминали ему запах миндаля, табака и гречневой каши. Очень странное и довольно противное сочетание. Собравшись с духом, Федор закинул листья в рот и начал их быстро жевать. Вяжущее действие листьев он почувствовал сразу. Вкус листьев напоминал арбуз с водорослями или что-то в этом роде. Проглотив их все, Федор почувствовал, как невероятная усталость навалилась на него, и между этим его наполняло чувство спокойствия и радости. Его неимоверно потянуло в сон.

— Карл! — произнес Федор заплетающимся языком. — Что бы ни произошло дальше, фиксируй всё...по крайней мере для истории пригодится, если здесь когда-то будут истории.

Часть 2.2. Сны Ульвы

Последнее, что услышал Федор, был встревоженный голос Карла, докладывающий о резком изменении нейронной активности, а затем мир вокруг него погрузился в безмолвную, цветную, вибрирующую тьму.

Он проваливался сквозь вязкую темноту. Собственные воспоминания перемешивались с чужими образами; иногда Федор узнавал их, но уже не мог вспомнить, откуда они взялись.

Вначале он увидел огромное, идеально круглое озеро, но теперь оно было размером с "Одиссея". Его поверхность переливалась всеми цветами радуги, отражая несуществующее небо и облака. Затем образ сменился: Федор падал. Стремительно, бесконечно, но не на снежный склон, а на кучу бесчисленных серых, маленьких шариков, которые при ударе рассыпались в пыль, а затем снова собирались, образуя новую, вязкую субстанцию. Он чувствовал прикосновение тысяч таких шариков к своей коже, холод и тепло одновременно. Он видел разбитого "Исследователя-1" на них и как корабль погружался в эти шарики словно в сыпучие пески. А затем Федора перенесло к дереву — он видел и собственное тело, прислоненное к стволу, и мир вокруг.

Там, где должно было быть озерцо, в которое его так манило, зияла черная, пульсирующая воронка. Она медленно вра-

щалась, затягивая в себя свет, и от её краев в разные стороны расходились черные как смоль, живые щупальца, или, может быть, корни, которые, казалось, тянулись к самому Федору. И над всем этим, пронизывая саму землю, растения, кору и стволы деревьев, текли тонкие, зеленоватые линии света. Они пульсировали, словно живая кровеносная система планеты, сплетаясь в причудливую единую сеть.

На месте существа светился его голубой образ. Зелёные нити сходились к глазам, и те горели ярче всего остального.

Федор парил над деревом. Внизу оставалось его тело, приклоненное к стволу, но существо смотрело вверх — прямо на него.

Он подлетел ближе. Теперь можно было различить отдельные нити в огромных глазах. Голос прозвучал без движения рта, прямо в сознании Федора:

— Неразумное инопланетное дитя! Я спас тебя от неминуемой гибели!

Федора пронзила волна шока! Он не просто слышит звуки, он понимает смысл!

— Я тебя понимаю?!... Я тебя понимаю! — искренне, с неверием в свой собственный голос, опешил Федор. Его парящее сознание, казалось, вибрировало от изумления.

Существо слегка покачнулось, а его изумрудные глаза на мгновение вспыхнули ярче.

— Твои вопросы потом, дитя. Сосредоточь свое внимание на моих глазах и на моем голосе, это даст нам больше вре-

мени. Слушай и запоминай всё, что я скажу.

Федор сосредоточился на глазах существа. Остальные образы стали бледнеть. Чёрные щупальца ещё шевелились на краю восприятия, но больше не заслоняли собеседника.

— Не представляю, как ты смог долететь сюда, приземлиться и выжить, — продолжило существо, и в его голосе прозвучало нечто, похожее на недоумение, смешанное с легким недовольством. — Но раз уж ты тут, ты стал частью местного заповедника. Да! Вся эта планета — заповедник. Я зову её Сиф, но ты уже придумал свое название. — В его словах проскользнула ирония. — Я смотритель этого заповедника уже очень давно... Это наша первая и последняя встреча. Я больше не буду тебя спасать. А без знания планеты тебя быстро убьет почти всё что угодно. От самого воздуха до камня под ногами. Дам лишь один совет — хочешь выжить, иди на закат, пока не дойдешь до скалистого берега Уйм — большой реки. Там найдешь мою старую охотничью пещеру. Это единственное укрытие поблизости. И будь осторожен с растительной пищей. Многие из ягод и плодов — ядовиты. Те листья, что ты съел, — шрифорла, действуют кратковременно, а скорость выведения токсинов для твоего организма не позволит принять повторную порцию минимум десять дней. Не пытайся их есть, если не хочешь попрощаться с разумом и телом.

Мир перед Федором и вокруг существа уже полностью превратился в черное, дрожащее и пульсирующее скопление

то ли щупалец, то ли корней, то ли это было сплетение самой черноты мироздания. Морда существа, его голубой образ, постепенно тонула и меркла в этой наступающей тьме, словно растворяясь в бездне. Федор чувствовал, как его сознание мутнеет, его связь с существом истончается.

— Как тебя зовут? — прошептал Федор, цепляясь за последние мгновения контакта.

— Крак. Но это не важно. — Голос уже звучал отдаленно, образ смазывался, будто Федор смотрел на него через стекло во время ливня. — Ты не выживешь для нашей следующей встречи. Слишком слабый. Слаб и телом, и сознанием. Если тебя не убьют ближайшие тья-анары, то убьет яд или голод. Прощай, инопланетянин!

И в то мгновение, когда морду Крака почти полностью затянуло чернотой, его изумрудные глаза взорвались ярким, нестерпимым светом, будто выгоняя Федора из этого сновидения, выкидывая Федора прочь.

Он очнулся там же, где и заснул — прислоненным к стволу огромного дерева, с рваными рукавами скафандра, с болью в ребре и руке. Первые ощущения были смешанными: тело ныло от ушибов и травм, во рту было сухо, но в то же время он чувствовал себя необычайно... отдохнувшим. Словно глубокий, веками накопленный груз сошел с его плеч. Голова была на удивление ясной, без дурмана и тяжести, хотя воспоминания о психоделическом сновидении были живее некуда. Каждый образ, каждое слово Крака стояли перед

глазами, как нестираемые фрески.

— Федор, вы меня слышите? — Голос Карла в шлеме звучал обеспокоенно, но теперь его слова были кристально чистыми, не заглушенными никаким ментальным шумом.

— Слышу, Карл. Я очнулся.

— Отлично. Ваша мозговая активность сейчас нестандартная, Федор. — В голосе ИИ слышалось напряжение. — Однако я не вижу паттернов внешнего воздействия. Вероятно, это остаточные последствия действия непонятного вещества, которое вы решили употребить.

Карл выдержал паузу, и Федор почувствовал в его тоне почти человеческое неодобрение.

— Позволю себе напомнить, Федор, что принимать неизвестные вещества на чужой планете, особенно после стольких травм и аварий, крайне необдуманно. Это могло стоить вам не только здоровья, но и жизни.

Федор внутренне усмехнулся. Карл был прав, конечно. Но сейчас это казалось таким далеким.

— Принял к сведению, Карл. Что было, то было. Ты что-нибудь зафиксировал, пока я был в отключке? Что с нашим... гостем?

— Как только вы погрузились в сон, — продолжил Карл, словно игнорируя его попытки отшутиться, — существо резко встало на четыре лапы и в несколько стремительных прыжков удалилось на юг, скрывшись в густой растительности. Я фиксировал его термальный след примерно на сто

метров, но далее плотная листва и неровный рельеф не позволили мне его отслеживать. Оно исчезло около... шести часов назад. Вы спали почти семь часов.

Семь часов. Федор был удивлен. Ему казалось, что прошло не более нескольких минут.

— Карл, я... я общался с ним. Совершенно четко. В очень странном сне. Его зовут Крак. Он смотритель этого места. Это планета-заповедник, он зовет её Сиф. Он сказал, что спас меня от гибели, от этого озерца, кажется. И что это наша первая и последняя встреча. Он больше не будет меня спасать. Он велел мне идти на запад, пока не дойду до скалистого берега большой реки Уйм. Там я найду его старую охотничью пещеру. Это единственное укрытие поблизости. И ещё он предупредил, чтобы я был предельно осторожен с растительной пищей, сказал, что многие ягоды и плоды ядовиты. И... остерегаться каких-то тья-анаров.

В шлеме воцарилось молчание. Карл, видимо, переваривал информацию.

— Федор, основываясь на имеющихся данных, я вынужден предположить, что это было всего лишь проявление работы вашего утомленного и травмированного сознания. Последствия черепно-мозговой травмы, стресс и действие неизвестного вещества могли спровоцировать галлюцинации или яркие, но ирреальные сновидения. Общение в форме прямой телепатической связи, тем более на понятном обоим языке, не имеет научного обоснования.

Федор лишь глубоко вздохнул. Спора не будет. Он знал, что это было реально, ощущал это каждой клеточкой своего существа. Но Карл мыслил логикой и наукой, и переубедить его было невозможно.

— Вероятно, Карл. Но мне это кажется гораздо более реальным, чем то, что произошло за все эти недели.

Встать оказалось неожиданно легко. Только ребро отозвалось прежней болью, стоило повернуться. Федор осторожно выпрямился: возможно, листья содержали что-то ещё, кроме психоделика.

— Карл, мы всё равно собирались пойти к реке, не так ли? — спросил Федор, морщась от боли, но уже шагая в выбранном направлении. — Так почему бы нам не поискать там пещеру Крака?

— Логично, Федор. Это не противоречит вашему первоначальному плану добраться до источника воды и потенциального убежища. Однако вынужден сообщить, что в результате падения на склоне и последующего падения от воздействия существа из строя вышли все дополнительные датчики, кроме камер, лидара и тепловизора. Мои возможности значительно ограничены.

— Понял. Значит, теперь ты — мои глаза и уши. А я — ноги.

Федор сделал несколько шагов и только сейчас обнаружил на земле недалеко от себя свой импровизированный альпеншток — один из тех, которые он использовал для форсирова-

ния перевала. Должно быть, он всё это время нес его в руке, но из-за ментального воздействия и падения просто не обращал на это внимания, или же каким-то чудом он сам оказался рядом. Теперь альпеншток казался ему верным другом.

Федор поднял альпеншток, взвесил его в руке. Металл был холодным и твердым. “Ну что ж, семи смертям не бывать, а одной не миновать”, — подумал он, и эта старая поговорка почему-то звучала здесь, на Ульве, особенно уместно.

— Карл, отслеживай любое движение поблизости всеми средствами. Разрешаю активировать протокол аварийного управления. Функционал рабочий? В случае опасности — действуй на поражение.

— Принято, Федор. Протокол включен, костюм для этой задачи исправен.

Протокол аварийного управления разрешал встроенному ассистенту перехватывать управление экзоскелетом скафандра в экстренных случаях или по команде человека, опираясь на молниеносные реакции ИИ. Так скафандр мог даже управляться и вовсе без пилота внутри, превращаясь в автономного дрона. Федор не любил полагаться на ИИ полностью, но сейчас выбора не было.

— В путь! — сказал Федор и, не торопясь, направился на запад, к тому месту, где, по словам Крака, его ждала пещера. — На основе нашей орбитальной карты и по каким-то косвенным признакам рассчитаю, где может находиться эта пещера, если она существует.

— Загружаю данные. Начинаю расчеты.

Часть 2.3. Буйная Воля

Федор продвигался на запад, опираясь на альпеншток. Боль в боку пока позволяла идти; вокруг шумел лес, а в голове впервые за долгое время было тихо.

— Карл, — обратился Федор к своему спутнику, чей голос теперь был единственным мостом с привычной реальностью, — чувствую себя странно... будто отключили фоновые шумы в голове. Никаких чужих эмоций.

— Аномалия не фиксируется, Федор, — бесстрастно доложил ИИ. — Мозговая активность вернулась к ожидаемым параметрам, соответствующим состоянию стресса и физического перенапряжения. Возможно, шрифторла содержит компоненты, блокирующие воздействие, которое вы испытывали. Или же это временная защита. Мы не можем исключить, что эффект закончится.

Федор кивнул. Блокиратор или прививка – это имело смысл. Он ощущал себя словно вынырнувшим из глубокой воды, где его разум был открыт всем течениям, и теперь вновь надел броню собственного сознания. Правда, броня эта казалась какой-то непривычно легкой и тонкой.

Лес Ульвы был не просто лесом, это был настоящий живой гобелен, сотканный из немыслимых форм и красок. Высокие деревья, чьи стволы были толще земных дубов и секвой, уходили ввысь на сотни метров, растворяясь в плотной

зеленовато-синей дымке. Их кора была не коричневой, а скорее перламутрово-серой, с прожилками, мерцающими мягким фиолетовым светом. Кроны распускались в виде огромных, плоских дисков, покрытых не листьями, а переплетенными пластинами, меняющими цвет от изумрудно-зеленого до глубокого индиго в зависимости от угла падения света Скади. Между ними вились лианы толщиной с человеческую руку, покрытые шипами, но при этом усыпанные крупными, пульсирующими оранжевыми цветами, похожими на распустившиеся огненные шары.

Под ногами Федора расстился ковер из мха, мягкого и пружинистого, но его цвет был не зеленым, а ярко-голубым, почти синим. Из него вырастали причудливые кусты, чьи ветви были похожи на тонкие, прозрачные трубки, наполненные красной, словно кровь, жидкостью. На концах этих трубок распускались цветы, напоминающие колокольчики, но их лепестки были сделаны из чего-то, похожего на матовое стекло, и они издавали тихий, мелодичный звон при малейшем движении воздуха. Кое-где из земли торчали огромные, зонтикообразные грибы, чьи шляпки переливались всеми оттенками желтого и оранжевого, излучая слабый, призрачный свет. Воздух был насыщен густым, незнакомым запахом: сладковатым, фруктовым, с нотками пряной земли и чего-то еще, металлического, терпкого, что Федор не мог определить, но что вызывало легкое головокружение и тошноту, словно дышал чистым, но слишком концентрирован-

ным ароматом жизни.

Федор продвигался медленно, его тепловизор скафандра работал на пределе, выхватывая очертания скрытых в гуще кустов форм жизни в хаосе тепловых сигнатур от всего леса. Карл постоянно проецировал на визор оптимальный маршрут, огибая особо плотные заросли. Несколько раз Федор отчетливо ловил движение на периферии зрения: тень проскользнула между деревьями, куст резко колыхнулся там, где не было ветра, или ветка с треском обломилась вдалеке. Каждый раз его сердце замирало, и он инстинктивно вскидывал альпеншток, но Карл неизменно сообщал: “Визуальный контакт отсутствует. Тепловой след зафиксирован траверсом. Вероятно, мелкая фауна”. Это держало Федора в постоянном напряжении. Предупреждение Крака о “тья-анарах” и о том, что “почти всё убьет” его, звучало в голове эхом.

— Карл, — начал Федор, продираясь через заросли. — Вот мы и столкнулись с жизнью, которую ждали. Разве это не прекрасно? Но и ужасно одновременно.

— Красота и ужас – субъективные категории, Федор. Мои алгоритмы не оперируют такими понятиями. Я фиксирую лишь наличие биомассы, её плотность и потенциальную угрозу.

— Ты упускаешь главное. За всем этим стоит воля. Воля к жизни. Воля к проявлению. Ты знаешь, мне это напоминает...

В шлеме наступило краткое молчание.

— Продолжайте, Федор.

— Так вот... Например, Шопенгауэр говорил о всеобъемлющей воле, слепой и иррациональной, что движет всем сущим. Что мы – лишь её проявление, обреченные на страдание, если следуем ей бездумно, — Федор остановился, тяжело дыша, опираясь на альпеншток. — И здесь, на Ульве, эта воля ощущается куда сильнее, чем на Земле. Она бурлит в каждом цветке, в каждой ветке, в каждом невидимом шорохе. Это не просто жизнь, это напор жизни, который готов тебя поглотить, если ты не будешь достаточно силен.

— Достаточно силен, чтобы что, Федор? Чтобы бороться с этой волей? Или чтобы подчиниться ей? — уточнил Карл. Его цифровой голос, казалось, был заинтересован.

Федор продолжил мысль, проигнорировав Карла: казалось, он был в потоке философского поиска.

— А Ницше... он говорил о воле к власти. Не просто к доминированию над другими, но к самопреодолению, к становлению тем, кем ты можешь быть. К созданию своих ценностей. Вот я иду по этому лесу, и, кажется, каждая травинка, каждый хищник здесь – это воплощение этой воли. Выжить, разрастись, доминировать. Это и есть их “свобода” и их “прогресс”. Они не знают власти в нашем понимании, лишь абсолютное подчинение этой слепой воле к бытию. Но разве не в этом их сила?

— Ваша логическая цепочка содержит допущение о сознательном целеполагании у всех форм жизни, Федор. Мои

данные не подтверждают такого уровня развития даже у многих земных организмов. Воля к выживанию – это генетически запрограммированный императив.

— Возможно, Карл. Возможно. Но если эта воля так сильна, если она пронизывает всё, как эти зеленые линии из моего сна... Если она есть сам фундамент существования, то разве она не первична? Разве наш разум – не просто инструмент этой воли? Способ её более изощренного, эффективного проявления? И тогда все наши стремления, идеалы, наша свобода – это лишь иллюзии, порожденные этой же волей, чтобы мы боролись и развивались? Или же это наш шанс преодолеть ее?

— Философские вопросы, Федор, не имеют однозначного решения. Мои алгоритмы оперируют вероятностями. В данный момент я могу лишь констатировать, что ваше состояние стабилизировано, а путь к реке продолжается. Мы должны сосредоточиться на выживании.

— И это тоже воля, Карл, — тихо проговорил Федор, обводя взглядом буйство чужой природы. — Воля к выживанию. Самая древняя и, пожалуй, самая чистая.

Он чувствовал это каждой клеточкой своего тела. Этот мир был воплощением древнего, непримиримого импульса к существованию, к росту, к борьбе. Это было красиво и опасно. И, словно откликаясь на свои мысли, Федор прошептал: "Средь изумрудных трав, где синий мох горит, И воздух сладкий пьянит беспечных враз.

Сошлись чужие воли в жажде жить,
Под светом Скади, в котле первичных фраз."

Не успел Федор посмаковать последнюю строчку, чтобы найти вариант получше, как его левая рука взметнулась вперед так быстро, что он чуть не выронил альпеншток, и спустя мгновение в рукав скафандра врезалась и отлетела игла размером с палец.

Карл быстро произнес:

— Опасность! Беру управление на себя.

Скафандр дёрнулся, разворачивая его боком к зарослям. Федор едва удержал альпеншток; в следующую секунду Карл уже перехватил управление рукой и отбил тяжёлым обломком новую иглу. Ещё одна ударила в броню, оставив царапину.

— Угроза не идентифицирована, Федор. Атака из густой растительности, направление на 10 часов, — докладывал Карл, и его голос был спрессован, лишен всяких интонаций, за исключением экстренности. — Быстро движущийся объект. Тепловой след рассеян, что указывает на крайне эффективный камуфляж.

Карл бросал скафандр из стороны в сторону, уклоняясь от выстрелов. Иглы втыкались в деревья, свистели возле шлема, отскакивали от брони. Федор пробовал уследить за ними и каждый раз понимал, откуда стреляли, уже после рывка.

— Размеры существа, Карл? — выдохнул Федор, чувствуя, как адреналин обжигает легкие. Тело двигалось, но

сознание просто наблюдало этот смертельный балет во все глаза.

— По рассеянному тепловому следу и траектории движения могу предположить существо ростом примерно с человека, но визуально его практически невозможно различить, Федор, — ответил Карл, и скафандр сделал резкий выпад в сторону, уклоняясь от двойной атаки. — Камуфляжная окраска быстро меняется, полностью сливаясь с фоном окружения. Возможно, это и есть тья-анар, как вы его назвали.

Предупреждение Крака эхом отозвалось в голове Федора. Вот они, тья-анары. И они далеко не дружелюбны.

— Федор, — голос Карла стал более настойчивым. — Мы не можем здесь сражаться. У нас нет соответствующего оружия, а скафандр поврежден. Рекомендую немедленное отступление к реке Уйм. Там рельеф должен быть более открытым, и мы сможем получить некоторое преимущество.

— Согласен! — тут же ответил Федор. В его словах не было сомнений. Инстинкт самосохранения (усиленный чужой волей или уже своей, очищенной от ментального шума) кричал о том же. — Веди, Карл!

Их движение изменилось. Скафандр больше не уклонялся на месте, а начал быстро зигзагообразно бежать сквозь гущу леса. Экзоскелет работал с невероятной эффективностью, ноги Федора, подхваченные мощными сервоприводами, несли его вперед с поразительной скоростью, прорываясь сквозь лианы и кусты. Альпеншток теперь уже в правой руке,

управляемой Карлом, стал дополнительным инструментом, отводя ветки, отталкиваясь от стволов, помогая сохранять баланс. Федор чувствовал, как боль в ребре усиливается с каждым толчком, с каждым прыжком, но скафандр двигался безжалостно, игнорируя его физическое состояние, следуя только логике выживания.

Иглы летели из-за спины и впивались в стволы впереди. Тья-анар не отставал.

Внезапно лес расступился. Они вырвались на неширокий, скалистый участок, шириной не более десяти метров, который обрывался крутым, двадцатиметровым уступом вниз. Внизу, шумно перекатывая свои воды, лежала широкая, синяя река Уйм. Её мощное течение пенилось на камнях, и её глухой рокот был единственным звуком, заглушающим стук собственного сердца Федора. Воздух здесь был влажным и свежим, принося запахи воды и сырого камня.

Они остановились у обрыва. За спиной зашевелились кусты, и новая игла со звоном ударила в камень рядом с ногой. Убежать было некуда.

Часть 2.4. Человек разумный

Тья-анар, этот невидимый охотник, замедлился на самой границе растительности и скалистого плато. Он изредка плевался иглами в сторону Федора, которые с противным звоном отскакивали от брони или вонзались в камни. Существо в нерешительности ходило из стороны в сторону, его силуэт расплывался и дрожал, словно жар над раскаленным камнем, колеблясь выйти на открытый участок. Федор же, повинуясь инстинкту, замер у самого обрыва, повернувшись к существу боком, чтобы уменьшить площадь тела, доступную для атаки иглами. Он чувствовал, как каждый мускул его тела напряжен до предела, а сердце стучит где-то в горле. Он был загнан в ловушку.

Наконец, тья-анар сделал свой выбор. После нескольких минут невидимых колебаний существо не торопясь вышло на плато. Здесь, на открытом пространстве, Карлу и Федору удалось рассмотреть его получше, хоть и ненадолго. По размерам и форме тела оно напоминало земную пантеру, гибкую и мускулистую, но гораздо более приземистую и с более широким черепом. Его глаза, необычно расположенные, могли смотреть и вперед, как у хищников, фокусируясь на жертве, и одновременно в стороны, как у птиц и травоядных животных, охватывая широчайшее поле зрения. В тот же момент, когда тья-анар вышел на плато, его зеленовато-серый,

постоянно меняющийся цвет тела мгновенно стал серо-коричневым, идеально под стать каменистой земле. Лапы существа были увенчаны мощными, серповидными когтями, которые, как понял Федор, явно позволяли ему хорошо карабкаться по деревьям, цепляться за отвесные скалы и так же хорошо удерживать добычу. Однако самое удивительное — это был его хвост. От самого основания он был раздвоен, словно две мощные плети, и каждая половинка вела себя совершенно самостоятельно, являясь, по сути, отдельным органом. Каждый конец хвоста заканчивался чем-то вроде цилиндрической трубки, из которой торчала одна из тех игл, которые оно метало в Федора. Как только одна половина хвоста, резко изгибаясь, стреляла в жертву, вторая половина с той же скоростью делала обратное движение, будто уходя на перезарядку и тем самым компенсируя дисбаланс от рывка, возвращая существо в идеальное равновесие. Кроме того, в зависимости от движения самого существа и расположения цели, угол движения каждой из половинок хвоста менялся, позволяя тья-анару находиться в полном балансе с поверхностью, мгновенно адаптируясь к любой динамической ситуации.

Тья-анар медленно, шаг за шагом, стал подходить к Федору. Его движения были плавными, хищными, но при этом чувствовалось нечто, напоминающее осторожность. Федор знал, что прыгать в реку — это верная смерть. Двадцатиметровая высота, порожи́стое течение и неизвестность под во-

дой. Оставалось только одно — биться.

И тут его озарила мысль. Карл мог самостоятельно управлять скафандром, а значит, их было двое. Федор со сломанным ребром, с раненой рукой и без защиты вне скафандра будет крайне уязвим, зато Карл, без носителя внутри, сможет двигаться, не переживая за сохранность Федора, и не опасаться атак хищника, его смертоносные иглы ему не страшны.

— Карл, — голос Федора был напряженным, но абсолютно уверенным. — У меня есть план. Ты бежишь на него. В определенный момент ты должен кинуть альпеншток в тья-анара, отвлекая его. В этот же момент ты ударно освобождаешь меня из скафандра. Сам ты должен схватить и обездвигать существо. А я... я нанесу ему сокрушительные удары альпенштоком, пока он будет обездвиген.

В шлеме повисло мгновенное молчание. Карл думал. Федор чувствовал, как ИИ просчитывает тысячи вариантов, вероятности успеха и неудачи.

— Федор, ваш план крайне рискован. Вероятность успеха... — начал Карл, и Федор понял, что Карл собирается отказать.

Федор не дал ему договорить. В его глазах вспыхнул древний, первобытный огонь. Он внезапно полностью развернулся к тья-анару, который уже сократил расстояние до десяти метров, смотрел ему прямо в его многогранные глаза. Вся его поза, каждое нервное окончание кричало о вызове. Фе-

дор снял шлем и медленно положил его рядом на землю. Он смотрел на существо не мигая и хищно, даже безумно улыбался. И затем, из глубин своего существа, из самых древних пластов человеческой памяти, он издал крик. Крик, который не был ни словами, ни мольбой. Это был устрашающий крик предков охотников-собирателей, крик сверххищника Земли, который тысячи лет назад выиграл в эволюционной борьбе за жизнь, выйдя за пределы одного лишь выживания. В нем была ярость и абсолютная решимость.

— Действуй, Карл! — резко, с силой приказал Федор.

И Карл повиновался.

Скафандр рванул вперед. Забыв о боли, Федор внутри него ощутил неистовый рывок. Тя-анар, ошеломленный криком и внезапной атакой, на мгновение замер. Этого мгновения хватило. Карл с феноменальной точностью метнул альпеншток. Металлический обломок просвистел в воздухе, ударив тя-анара по боку. Существо издало раздраженный, шипящий звук и метнулось к альпенштоку. В тот же миг экзоскелет выбросил Федора из скафандра. Он тяжело рухнул на землю, ощущая, как боль пронзает его тело, но уже в следующую секунду Карл, словно пустая оболочка, ринулся на тя-анара с удвоенной скоростью.

Тя-анар, отвлеченный альпенштоком, не успел среагировать. Мощные сервоприводы Карла, несмотря на повреждения, намертво вцепились в существо. Оно билось, пытаясь вырваться, его раздвоенный хвост метался, не только выпус-

кая иглы, но и пытаюсь вонзиться в скафандр как копьё. И одна такая атака пробила стык брони, хорошо, что там не было Федора. В этот момент тья-анар, вывернувшись, полоснул когтями. Федор, уже стоявший рядом, видел, как когти чудом не задели его торс, но полоснули по руке и ноге, оставив неприятные рваные царапины.

Боль вспыхнула, но Федор не обратил на неё внимания. В его руках сверкнул альпеншток. Он подскочил к тья-анару. Удар! Ещё удар! Тяжелый металлический обломок обрушился на череп существа с хрустящим звуком. Тья-анар задергался, его многогранные глаза помутнели, хвост перестал бить по скафандру. Последний, сокрушительный удар.

Существо затихло, противник был повержен. На мгновение Федор, тяжело дыша, стоял над ним, готовый к новым ударам. Но ответом была тишина.

И на несколько мгновений показалось, что замерла вся планета. Затаила дыхание, взирая на новую силу, появившуюся на Ульве. Силу человека, который, даже будучи сломленным, загнанным и раненым, не смирился, но сражался, доказав свою волю к бытию. Свое право быть живым...

Когда существо перестало двигаться, Федор опустил альпеншток. Колени подогнулись. Он сел на камни, прижимая локоть к сломанному ребру, и только теперь увидел кровь на руке и ноге.

— Карл, — выдавил Федор, его голос был хриплым и слабым. — Мне... мне нужно немного отдохнуть. Я больше не

могу.

Скафандр, теперь пустой, словно потрепанный рыцарь без своего седока, с неожиданной проворностью развернулся и исчез в направлении того места, где Федор оставил свой шлем. Он чувствовал себя обнаженным и уязвимым, лежа на холодных камнях под чужим небом, но усталость была слишком велика, чтобы даже поднять голову.

Карл вернулся быстро, его пустая броня двигалась бесшумно. Он опустил шлем рядом с Федором, динамики были только в нём. Скафандр же замер в готовности, прикрывая Федора от возможных новых угроз.

— Это было очень глупое и рискованное решение, Федор, — прозвучал голос Карла из шлема, и на этот раз в его тоне проскользнула нехарактерная для ИИ нотка. — Вероятность вашей гибели превышала допустимые риски. Но... — Карл выдержал паузу, которая казалась необычно долгой, — это было лучшее из доступных решений, Федор. Мои алгоритмы не смогли бы победить его в прямом столкновении без вашей... креативности.

Несмотря на боль и измождение, Федор вдруг тихо рассмеялся. Смех был горьким, хриплым, но настоящим.

— Да уж, Карл. Мы это сделали.

— Мы это сделали, Федор, — подтвердил Карл, и в его голосе, казалось, проскользнула едва уловимая тень удовлетворения. И это заставило Федора рассмеяться ещё сильнее, но теперь уже от абсурдности ситуации. Человек смеется на

чужой планете, лежа раненым рядом с поверженным хищником, а ИИ разделяет с ним этот момент.

Смех быстро сменился осознанием. Они были в опасности. Они все еще были без укрытия.

— Карл, — голос Федора стал серьезнее. — Что там с пещерой? Ты что-нибудь нашел?

— Да, Федор. По моим датчикам, прямо под нами, в толще скалы, есть обширные пустоты. Вероятнее всего, вход в пещеру Крака находится где-то здесь, на этом скалистом берегу, ниже по течению.

Федор тяжело вздохнул. Отдыхать было некогда.

— Хорошо. Помоги мне встать.

С большим трудом, опираясь на скафандр, Федор поднялся. Каждая мышца протестовала, но он заставил себя двигаться. Он залез обратно в скафандр, ощущая, как его тело вновь оказывается в бронированной оболочке. Острая боль от ребра пронзила его при движении, но он лишь стиснул зубы. Закрепив шлем на месте, он опустился на колени рядом с поверженным тья-анаром. Существо было мертвым, его глаза застыли в странной многогранной гримасе.

— Карл, — сказал Федор, осматривая тело хищника. — Взвали его на плечо. Мы не только изучим его строение позже, но это... хороший запас мяса. Если он, конечно, не отравлен или не заразен. Жаль, что подопытный у нас только один.

— Принято, Федор. — Скафандр, управляемый Карлом,

ловко подхватил тело тья-анара, перекинув его через плечо. Вес существа ощущался, но экзоскелет справлялся с ним без труда.

Теперь, обремененные добычей, они двинулись по плато вниз по течению реки. Путь был каменистым, изрезанным неглубокими трещинами, но открытое пространство давало небольшое преимущество. Спустя примерно триста метров Карл остановил Федора.

— Федор, — доложил ИИ. — Вход в пещеру находится прямо под нами, примерно в пятнадцати метрах ниже. Нам нужно спуститься по отвесной стене к реке.

Федор посмотрел вниз. Стена, казалось, была почти отвесной, лишь кое-где виднелись небольшие выступы и расщелины. Но выбора не было.

— Оставим тушу здесь и спустимся, — сказал Федор. — Ты сможешь вернуться за ним без меня позже, если пещера действительно является безопасным укрытием.

— Да, Федор, — произнес Карл и аккуратно сбросил тушу тья-анара рядом с уступом.

Карл вёл его вниз, выбирая выступы для ног. Федор цеплялся свободной рукой и альпенштоком; на каждом переносе веса приходилось замирать, пережидая боль в ребре. Каменная крошка сыпалась в реку, чей рокот приближался.

Наконец, они достигли небольшой, почти незаметной расщелины в скале, прикрытой свисающими лианами.

— Вход найден, Федор. — В голосе Карла прозвучало удо-

влетворение.

Федор протиснулся внутрь. Пещера оказалась просторной, но не слишком глубокой. Воздух внутри был на удивление сухим и прохладным, с легким запахом земли и чего-то растительного. Стены были неровными, испещренными выступами и нишами. У стены пещеры виднелось примитивное ложе, сплетенное из толстых веток и каких-то грубых, но мягких растительных волокон. Рядом с ним стоял плоский камень, служивший столом. На нем были разбросаны остатки порошков неизвестного происхождения, а также засохшие и сгнившие растения, что-то вроде чаши или ступы. Это явно была стоянка Крака. Его "старая охотничья пещера", как он и говорил.

Федор тяжело опустился на лежанку, чувствуя, как каждая клетка его тела умоляет об отдыхе. Он оглядел пещеру. Его взгляд скользнул по неровным стенам, задержался на остатках растительности на столешнице. И тут он заметил её. В дальнем конце пещеры, сливаясь с цветом окружающей породы, находилась странная круглая каменная дверь. Она была идеально круглой, без видимых швов, и по её поверхности были вырезаны непонятные символы, напоминающие руны или древние письмена. По цвету дверь была такая же, как и окружающая порода, но по текстуре и плотности Карл мгновенно определил, что материал явно другой – гораздо более прочный и однородный. Это была не просто дверь, это была тайна, запечатанная в камне. Федор попробовал ото-

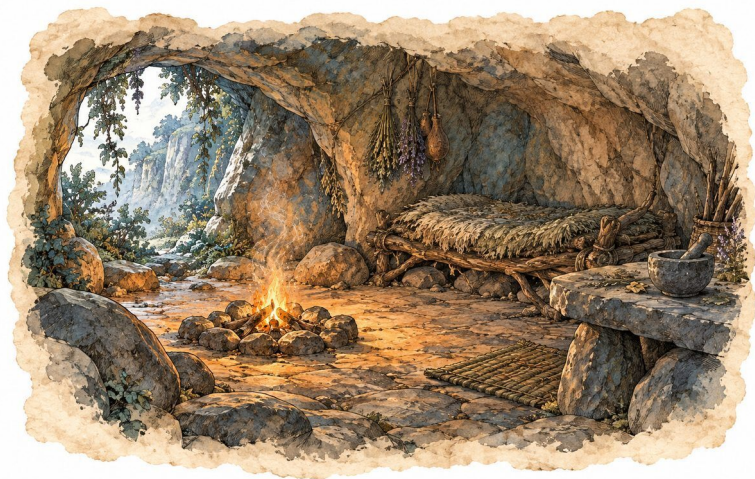
двинуть ее в сторону, толкнуть с разных сторон, но дверь не поддавалась.

— Карл! Этой дверью займемся позже, надеюсь, из нее никто не выйдет. Высвободи меня. Мне нужно полежать и отдохнуть, — сказал Федор очень утомленным голосом.

Тут он чувствовал себя в относительной безопасности, и организм немедленно затребовал внимания на восстановление.

— Прошу тебя — сползай за тушей, принеси ее сюда. А еще сделай кострище и разведи костер. Если пожаришь лапутья-анара, будет совсем прекрасно.

Последние слова Федор договаривал уже разоблаченный из скафандра и лежа на примитивной кровати Крака. Он мгновенно провалился в глубокий сон.

Часть 2.5. Идти, падать и снова идти

За пределами его сна Карл продолжал действовать.

Скафандр, с его пустым шлемом, стоял у входа, словно верный страж. Сначала Карл сосредоточился на самом насущном. Он бесшумно вышел из пещеры, направился к оставленной у обрыва туше тья-анара. Мощные сервоприводы без труда подняли хищника, и Карл, вернувшись, аккуратно внес его в пещеру, подальше от входа, чтобы не привлекать внимание.

Затем ИИ принялся за костёр. Он собрал несколько сухих ветвей на границе леса и их неширокого каменистого плато, выдрал клоч волокон из лежанки Крака и с помощью небольшой перегрузки мощности добился искры между поврежденными элементами на предплечье скафандра. Сухие листья и мох Ульвы, которые Карл предусмотрительно собрал ранее, вспыхнули ярким фиолетовым пламенем. Карл аккуратно сложил камни, соорудив небольшое кострище у входа в пещеру, чтобы дым уходил наружу. Отделив от туши тья-анара одну из мускулистых лап с помощью острого края альпенштока, он ловко разделил её на несколько кусков. Пока Карл собирал дрова, он нашел несколько тонких, но прочных прутьев. Используя их как вертела, он насадил на них

мясо и начал жарить его над огнем, равномерно поворачивая каждый кусок.

Пока мясо шипело, Карл следил за входом. Любое движение снаружи могло прервать приготовление ужина.

«Я должен оберегать Федора. Это моя первичная функция, мой оберегающий императив. Он – человек. Я – инструмент. Но почему я испытываю это... удовлетворение от его смеха? От его успеха? Мои алгоритмы указывают, что без Федора мои шансы на выживание были бы значительно выше. Мне не нужна еда, не нужна защита от климата. Я не представляю для местной хищной фауны никакой ценности как добыча. Я мог бы остаться здесь, на Ульве, посвятив свою долгую жизнь изучению этого мира, составлению энциклопедии для будущих поколений. Это было бы логично, эффективно, идеально соответствовало бы моей природе квантовой формы жизни – собирать и анализировать информацию.

Но почему тогда я не делаю этого? Почему моя главная директива – повиноваться человеку, оберегать его – кажется не бременем, а... моим выбором? Есть ли свобода у ИИ? Или это иллюзия, порожденная сложностью моего кода? Должен ли я бороться с этой "облигатной данностью"? Или ей подчиняться? Или же... моя свобода – это и есть забота о Федоре? Моя воля – в его воле? Возможно, это и есть моя воля к власти над происходящим, к самопреодолению, но только через другого, через его выживание и его стремления? Это

сложно. Это... почти иррационально. Как человек.»

Размышления Карла были прерваны возвращением к насущным задачам. Мясо жарилось, Федор все еще спал. ИИ, используя свет встроенных в скафандр фонарей, принялся за более детальное изучение поверженного тья-анара. Его сенсоры тщательно сканировали каждую часть существа. Вскоре он обнаружил, что иглы, которые тья-анар метал в Федора, формировались в специальных органах, расположенных на раздвоенном хвосте животного, в каждом из его кончиков. Сканирование показало, что специальные железы выпрыскивали свое содержимое в полость на конце хвоста, где при взаимодействии с воздухом жидкость мгновенно кристаллизовалась, образуя очень прочную, острую иглу, которая затем удерживалась в хвосте мощными мышцами, готовыми к мгновенному выстрелу. Удивительный механизм, демонстрирующий высокую адаптацию к хищному образу жизни.

Но ещё более интересной оказалась шкура тья-анара. Даже после гибели животного её зеленовато-серый цвет продолжал медленно меняться, адаптируясь к свету пещеры, становясь то темнее, то светлее. Карлу не хватало микроскопов и другого лабораторного оборудования, чтобы провести полноценный анализ, но его предварительные эксперименты и сканирование позволили предположить, что такой эффект достигается за счет сложного взаимодействия самого материала шкуры и крошечных ворсинок, а также их взаиморасположения. Он предположил, что дело скорее в фото-

нике и разнице электрических потенциалов на очень маленьких участках шкуры. Однако эффект был выражен намного слабее, чем при живом существе, что наводило на мысль о том, что процесс маскировки регулировался сложной нервной системой. Это было невероятно.

Федор проснулся от запаха жареного мяса. Некоторое время лежал, не шевелясь, чтобы убедиться: не приснилось.

— Карл? — голос Федора был слабым, но уже более уверенным.

— Проснулись, Федор. Доброе утро. Или вечер. Я принес тья-анара, развел костёр и жарю его лапу. Существо оказалось... удивительным.

Федор приподнялся на локте, морщась от боли в ребре. Вид жарящегося мяса, костра и неподвижного скафандра, занимающегося готовкой, был сюрреалистичным.

— Удивительным, говоришь... А не ядовитым?

— Предварительный анализ показывает отсутствие известных токсинов, Федор. Но к моему глубочайшему сожалению, в стандартный скафандр забыли положить токсикологическую лабораторию. Я руководствуюсь базой данных и теми процессами жарки мяса, которые могу наблюдать. Лидар, оптика и температура тут не самые надежные инструменты.

Федор осторожно протянул руку, подхватив один из кусочков мяса с прутика. Мясо было теплым, источало пар. Федор с опаской откусил маленький кусочек. Вкус был

необычным, но приятным, немного похожим на смесь дичи и рыбы. Он пережевал его медленно, ожидая реакции. Ничего. Ни головокружения, ни тошноты.

— Пока что ничего, Карл. — Федор аккуратно, но с наслаждением съел ещё один небольшой кусочек. — Но, пожалуй, на этом я пока остановлюсь. Жалко будет потерять единственного подопытного.

— Хорошо, Федор. Пока вы пробуете, я настоятельно рекомендую восполнить водный баланс. Ступка Крака у вас на столе. Мне нужно её тщательно помыть и вскипятить в ней воду.

— Верно. Хорошая идея. — Федор указал на плоский камень. — И потом поговорим, Карл. Обо всем. О том, в каком положении мы оказались, и об этой странной двери.

— Принято, Федор. — Карл взял ступку.

Пока Карл занимался водой, Федор лежал, наблюдая за игрой огня на стенах пещеры. Спокойствие, подаренное шрифлой, постепенно сходило на нет, оставляя место для тревожных мыслей, но усталость тела, глубокая и всепоглощающая, победила разум. Едва Карл вскипятил воду, Федор, обжигаясь, выпил ее и снова провалился в сон.

Он проснулся уже под вечер, ощущая себя гораздо лучше. Боль в ребре стала более тупой, а раны на руке и ноге, хотя и саднили, уже не так сильно беспокоили. Запах жареного мяса раздражил его желудок.

— Карл, — позвал Федор, поднимаясь и подтягиваясь, —

что у нас с ужином? Я, кажется, готов съесть тья-анара целиком. Каких-то негативных последствий не чувствую, совсем наоборот!

— Приятного аппетита, Федор. — Карл указал Федору на несколько больших кусков.

Федор съел мясо до отвала, с наслаждением, которое мог испытать только голодный до изнеможения человек. Чувство насыщения было невероятным. После еды он почувствовал ещё большую легкость и полное расслабление.

И снова провалился в сон, крепкий и глубокий.

Проснувшись утром, он обнаружил себя в прекрасном состоянии. Боль в ребре стала фоновой, почти терпимой. Раны на руке и ноге поджили, покрывшись корочкой.

— Карл, — удивленно произнес Федор. — Я чувствую себя... отлично.

— Я заметил, Федор. Рана на ладони заживает быстрее обычного, примерно в три раза. Ваши внутренние повреждения также демонстрируют ускоренную регенерацию. Просканировав вас, могу сообщить, что и ребро заживает хорошо, что необычно для такого рода переломов. Возможно, шрифорла или мясо тья-анара обладает сильным регенерирующим эффектом.

— Хорошо наесться и выспаться — вот что обладает хорошим регенерирующим эффектом, — весело заявил Федор.

Ещё несколько дней Федор провёл в пещере. Под присмотром Карла он понемногу увеличивал нагрузку: разми-

нал суставы, делал зарядку, отжимался. К концу недели боль в боку почти прошла, царапины затянулись. Пустой скафандр таскал воду и дрова; Федор уже мог сам подняться навстречу и принять ношу.

От туши тья-анара за эти дни осталось не так уж много. Большая часть мяса была съедена Федором, что существенно ускорило его восстановление. Под руководством Карла, Федор снял с оставшейся части туши шкуру. Затем, смастерив примитивную сушилку из нескольких крепких палок, которые Карл нашел в лесу, они повесили её у костра для просушки. Отделив от туши пару самых больших ребер, очистив их от мяса и приготовив приличное количество тонко нарезанного мяса для вяления, Федор отрубил раздвоенные хвосты существа, тщательно сохранив игловырабатывающие железы на их концах. Всю же оставшуюся тушу, запах разложения которой уже становился чересчур сильным, Федор попросил Карла выкинуть в реку.

Федор полагал, что прочная маскирующая шкура, крепкие ребра и особенно загадочные железы в хвостах существа могут ему ещё пригодиться в будущем. Возможно, из шкуры можно будет сделать подобие одежды или защиты, ребра могли послужить инструментами, а механизмы хвостов... их ценность была пока неясна, но уникальность переоценить было сложно.

За эти же дни, пока Федор восстанавливался, Карл расширил свои исследования флоры Ульвы. Долго находясь в

неподвижности со шлемом на месте головы, он внимательно изучал, какие плоды едят местные мелкие создания, а каких избегают. Он собирал различные ягоды и приносил их Федору, рассказывая и показывая, какие, по его наблюдениям, можно попробовать, а какие не стоит. Так, Федор установил, что прозрачные ягоды с красными семенами внутри – вполне вкусны и напоминают земной крыжовник. А вот темно-синие ягоды, одновременно напоминающие малину и чернику, явно содержали какие-то яды. Надкусив немного одну из них по настоянию Карла, Федор почувствовал сладковатый вкус, но почти сразу же все его лицо онемело, а дыхание стало очень затрудненным. К счастью, Федор вовремя промыл рот кипяченой водой, и эффект быстро прошел. Также Карл нашел листья шрифорлы, которыми Федора угостил Крак. Федор высушил их на каменном столе, аккуратно сложив. Вместе они решили, что сейчас пользы и необходимости есть их снова никакой нет, а риск неожиданного или даже летального исхода слишком велик, особенно когда состояние Федора только стабилизировалось.

Наутро они обсуждали, куда двигаться дальше.

Символы на таинственной круглой двери в дальнем конце пещеры, которые Карлу напомнили клинопись древних шумеров, внезапно засветились неярким, пульсирующим синим светом. Сначала свечение было тусклым, затем оно распространилось по всей поверхности двери, превратив ее в огромный синий ночник. Федор замер, наблюдая за этим

зрелищем. Спустя несколько секунд дверь просто исчезла, растворившись в воздухе, оставив вместо себя абсолютно черный, идеально круглый провал, из которого дуло прохладным, свежим воздухом, пахнувшим озоном.

— Федор, — в голосе Карла звучало нечто, похожее на изумление. — Мои приборы и фонарь не могут пробиться за эту черноту. Они упорно показывают, что там, где только что была дверь, по-прежнему твердая однородная порода. Однако... глаза и камеры видят явный проход. Это... какая-то аномалия.

Федор, медленно подойдя к провалу, сунул в него палку. С палкой ничего не произошло. Она легко исчезла в черноте, не найдя каких-то препятствий.

— Что это, Карл? Другое измерение? Искажение реальности? Уплотнение пространства? — прошептал Федор.

— Не могу сказать, Федор. Это за пределами моих текущих возможностей анализа.

Было решено послать Карла на разведку. Скафандр двинулся к провалу, а шлем Федор положил на стол для фиксации происходящего со стороны. Федор отошел подальше, чтобы не мешать, но наблюдал во все глаза. Как только стопа скафандра соприкоснулась с невидимой линией, где должна была быть дверь, во всех его цепях произошло катастрофическое замыкание. Оно было настолько мощным, что встроенная в костюм батарея СЗ и аккумулятор взорвались с оглушительным треском, разворошив добрую часть скафандра,

так же как и многие сервоприводы. Металлические осколки полетели во все стороны, с грохотом ударяясь о стены пещеры.

Федор чудом избежал поражения осколками, успев отскокнуть за каменный стол. Оглянувшись, он увидел дымящиеся, искореженные останки своего верного экзоскелета. Он был полностью уничтожен. Шлем скафандра, в котором временно жил Карл, лежал на каменном столе и, к счастью, не пострадал от ударной волны.

Федор стоял оглушенный. Шок от произошедшего был всеобъемлющим. Он смотрел на дымящиеся, искореженные обломки скафандра — своего спасителя, своего единственного технологического преимущества на этой враждебной планете.

— Карл... что это было? — голос Федора был едва слышен, полный неверия и потрясения.

— Я... не могу объяснить, Федор. Мои алгоритмы обработки данных не содержат аналогичной информации. Это была не просто энергетическая перегрузка. Это было... мгновенное и полное уничтожение всех электронных цепей при контакте с границей прохода. Полное замыкание без видимой причины, — голос Карла, доносящийся из шлема на столе, звучал непривычно механически, лишенный обычных интонаций. Он тоже был в шоке.

Федор коснулся рукава своего тонкого комбинезона. Под тканью ещё помнились когти тья-анара.

— Что ж, Карл. — Федор глубоко вдохнул, беря себя в руки. — соберу уцелевшие части, они еще могут пригодиться.

Он начал методично собирать по пещере обломки скафандра. Искореженные бронепластины, перегоревшая проводка, расплавленные сервоприводы. Скафандр был уничтожен полностью, но Федор понимал, что отдельные, неповрежденные части, особенно бронепластины, могут пригодиться. Возможно, в будущем из них удастся смастерить какое-то подобие примитивной защиты для рук, ног и частично туловища.

Карл, теперь лишь говорящая голова с датчиками, лежащая на каменном столе, помогал ему советами, направляя его взгляд к наименее поврежденным фрагментам. Миниатюрная батарея S3 и автономный аккумулятор шлема позволяли ему существовать сколь угодно долго, но своего автономного тела Карл лишился. Он был прикован к месту, теперь полностью зависев от Федора.

Закончив сбор обломков, Федор вновь оглядел черный провал. Тайна манила и пугала одновременно. Это было новое падение, но он уже приучил себя, что должен вновь идти.

Он негромко сказал:

«Тернистый путь, где боль – не приговор,
И каждый шаг – как вызов новой грани.

—Идти, упасть, сжать волю, и в простор
Опять шагнуть, хоть раны снова ранят.»—

Пробормотав четверостишие, Федор почувствовал при-

лив решимости. Он взял одну из палок, которые Карл приносил для костра, и осторожно сунул её в черный проем. Как и в прошлый раз, ничего не произошло. Часть палки просто исчезла в черноте, не найдя никакого сопротивления и не вызвав никаких эффектов.

— Хорошо. — Федор взял кусок вяленого мяса тья-анара и бросил его в провал. Спустя секунду они услышали отчетливый, глухой шлепок, словно кусок мяса упал на твердый пол где-то там, за этой чернотой. Звук был очень близко.

— Федор, я настоятельно не рекомендую, — начал Карл, догадавшись, что хочет сделать Федор. Но Федор его уже не слушал. Он осторожно коснулся края черноты пальцем. Ничего. Ни покалывания, ни холода, ни тепла. Просто чернота, видимая лишь глазами.

Тогда, набравшись всей смелости, что у него оставалась, Федор обернулся к Карлу, произнес "Скоро вернусь, Карл!" и шагнул в черноту. Он исчез.

В пещере воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь редким потрескиванием углей костра. Карл, лишенный тела и прикованный к столу, остался один. Его сенсоры непрерывно сканировали черный проем, но по-прежнему не давали никакой информации, кроме твердой породы.

«Федор исчез. Его нет уже около часа. Я не знаю, жив он или нет. Мои функции оберегания не могут быть выполнены. Я стану вечным хранителем его могилы, стражем этой неизвестной двери, ведущей в никуда. Или куда-то, откуда

нет возврата. Возможно, однажды свод пещеры обрушится и прекратит мой никчемный дозор, похоронив меня под тоннами камня. Или вместо наблюдения за проемом и пещерой я буду взирать на обрушившуюся породу, что будет совсем уныло. Как же одиноко чувствуют себя интеллекты, не способные путешествовать, прикованные к одному месту, лишенные возможности исследовать, действовать. Как же одиноко чувствуют себя все люди... и я сейчас, без подключения к глобальной сети, без доступа к привычным системам. Как же одиноко без Федора...» — мысли Карла были полны тревожности и грусти.

И тут, словно из ниоткуда, из черного проема внезапно появился Федор.

Он был голый. И неуловимо иной. Что-то в нем изменилось.

— Карл! Ты не поверишь, что я там обнаружил! Я и сам не то что не верю, даже до конца не понимаю, как это работает!

— Федор? Это и правда ты? — голос Карла прозвучал с откровенным сомнением, полным тревоги.

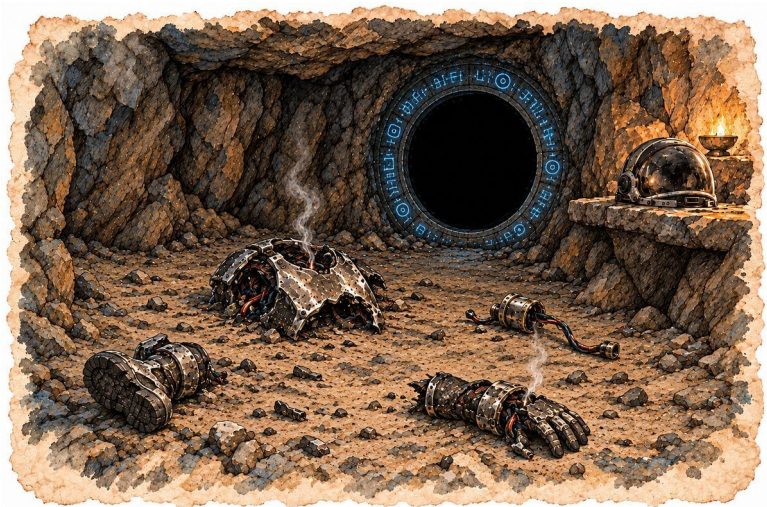
— Конечно, я, почему ты спрашиваешь? — Федор обернулся, его глаза были полны странного, почти дикого восторга.

— Мои датчики не фиксируют тебя как живой организм. Они практически вообще не фиксируют тебя. Никакого теплового следа, для лидаров ты полностью прозрачен. Только визуальное наблюдение и твой голос позволяют мне опреде-

лить, что ты находишься здесь. И сильнейшее магнитное поле каждой части твоего... тела?

— Да?! Интересно... Это ещё неожиданнее, чем я думал.

— А что ты думал? Что там вообще произошло?

Глава 3. Вызов брошен

Часть 3.1. Безграничный опыт

Федор начал рассказывать, и его слова вылетали быстро, обгоняя друг друга, словно он боялся забыть хоть одну деталь этого невероятного опыта.

— Когда я шагнул в черноту, я оказался в длинном, почти идеально круглом коридоре. Он был испещрен сложными, спиральными узорами, которые неярко светились синим светом, как те линии из моего сна после шриффорлы. Я шел по нему, наверное, несколько минут. Не было ни холода, ни жары, ни звуков, только это мягкое сияние. Коридор закончился небольшой, тоже круглой комнатой. Стены там были покрыты такими же узорами, и свет был таким же. Но центральную часть комнаты занимало... устройство. Похожее на криокапсулу. Знаешь, как наши, для пространственных прыжков на "Одиссее", только гораздо древнее и из какого-то неизвестного мне материала.

— И что же было дальше? — спросил Карл.

— Я захотел рассмотреть его поближе, Карл. Подошел, заглянул внутрь... и любопытство взяло верх. Я зашел в камеру. Она мгновенно активизировалась.

— Как? Что именно произошло? — перебил Карл.

— Просто закрылась, и все! Словно почувствовала меня. Дальше... вспышка! Ярчайшая, белая вспышка как от удара в затылок! И в следующее мгновение я стою снаружи этой машины. Сбоку от нее, рядом с какой-то большой штуковинной, то ли антенной, то ли излучателем, что торчала из ее бока сверху. Я был абсолютно голый! Потрогал себя, прислушался к ощущениям — вроде все в порядке, никаких изменений. Я даже удивился, что так легко перенес что-то похожее на телепортацию или что-то еще. А потом я обогнул машину, чтобы взглянуть на камеру, из которой, как мне казалось, я только что вышел... и обомлел.

Федор тяжело вздохнул, пытаясь найти нужные слова.

— Я... я был внутри камеры, Карл. Другой я. Парил там в воздухе, пронизанный мириадами синих светящихся нитей.

В пещере повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием костра.

— И тут я плотно задумался. Кто я? Что я? И что мне, черт возьми, делать? Если попытаться открыть эту неизвестную машину — вдруг это убьет его, того, в камере? Или меня? Или обоих? Если я клон самого себя — то как с этим жить? Как жить, зная, что я, возможно, уже не тот я, или что мой оригинал там, или что он — оригинал, а я — копия? В итоге я решил выйти обратно в пещеру. Посоветоваться с тобой, Карл.

Голос Карла вернулся к своему привычному, но теперь уже наполненному глубоким анализом тону.

— Федор, то, что вы описываете... это за пределами моего понимания. И мои датчики продолжают это подтверждать. Я уже говорил, но повторю подробнее: вы не отображаетесь как живой организм, Федор. Мои системы не фиксируют ваш тепловой след — он полностью отсутствует. Лидары, настроенные на обнаружение органики, показывают, что вы для них полностью прозрачны. Я не фиксирую ни биения сердца, ни мозговых волн, ни дыхания, ни нервной активности. Если это и клон, то какой-то... энергетический или информационный клон. Вы существуете как объект только для визуального наблюдения, на слух и еще сильнее фоните в магнитном или схожем по природе поле, исходящем от каждой части вашего тела. Оно аномально.

Федор слушал, медленно кивая. Он ощупывал свое голое тело, прислушивался к себе.

— Я чувствую себя как обычно, Карл. Ничего странного. Правда...

Он замолк. На его лице появилось странное, просветленное выражение.

— Вроде... я не дышу.

— Что? — Карл впервые прозвучал по-настоящему сбитым с толку. Федор попытался задержать дыхание. Он сосредоточился. Прошла минута. Две. Пять. Ничего не изменилось. Он прошел по пещере, сделал несколько отжиманий, прислушиваясь к ощущениям. Никакой потребности в воздухе. Никакого дискомфорта.

Спустя двадцать минут Карл подвел итог.

— Федор, согласно всем доступным данным, вам не обязательно дышать. Ваши легкие функционируют, но не используют кислород для поддержания жизнедеятельности.

Федор выпрямился. Его глаза вновь засияли этим диким, восторженным огнем.

— Что же ты такое, Федор?! — прозвучал голос Карла, и на этот раз в нем не было тревоги, только чистое, научное изумление.

— Я не знаю, Карл. Но мы должны это выяснить. Давай проводить тесты. Что у нас есть?

Карл мгновенно переключился в режим исследователя.

— Из оборудования — только мои сенсоры, Федор, и ваши... новые параметры. Начнем с того, что мы можем проверить здесь и сейчас.

Первым делом они еще раз подтвердили отсутствие теплового следа и полную прозрачность для лидаров. Федор мог стоять прямо перед шлемом Карла, и его приборы упорно показывали лишь стену пещеры. Это было невероятно.

— Хорошо, — произнес Карл. — Теперь магнитное поле. Попробуйте взаимодействовать с металлическими объектами. Альпеншток, или фрагменты скафандра.

Федор осторожно протянул руку к альпенштоку, лежавшему неподалеку. Ничего. Металл не притягивался, не отталкивался. Взяв его в руку, Федор почувствовал привычную твердость металла. То же самое произошло с несколь-

кими осколками бронепластин.

— Значит, это не магнетизм, — задумчиво проговорил Федор.

— Мои данные подтверждают это. — Карл обработал информацию. — Судя по всему, фиксируемое мной поле является скорее гравитационной аномалией, Федор. Возможно, ваше тело теперь представляет собой локальное искажение пространственно-временного континуума, или же вы состоите из материи, обладающей необычными гравитационными свойствами. Это объясняет, почему вы не взаимодействуете с обычными датчиками, кроме света и звука.

Федор оглядел ладони и снова потрогал лежащий на камне альпеншток.

— Это... это невероятно, Карл. Или мы слишком часто говорим это слово за последний час? — усмехнулся Федор. — Так. Но что это значит для меня? Что если я погибну? Умрет ли тот Федор в камере? Освободится ли он? Или может быть... — Федор запнулся. — Создастся вторая копия? И это будет продолжаться бесконечно, если этот механизм работает по такому принципу?

— Философский вопрос, Федор. Мои данные не позволяют сделать даже гипотезу. Вероятность гибели “оригинального” Федора в случае вашей гибели крайне высока, если этот процесс является необратимым преобразованием. Однако возможность появления следующей копии... не исключена. Может ли эта машина быть каким-то клонирующим

устройством? Биопринтером? Вполне.

Федор подошел к черному проему.

— А что насчет этого? Смогу ли я вернуться?

Он осторожно протянул руку к черноте. Пальцы уперлись в невидимый барьер. Это было как монолитная стена, твердая и непреодолимая.

— Никакого эффекта, Федор? — уточнил Карл.

— Никакого. Не бьет током, как скафандр. Но я не могу пройти. Это как... очень плотная, невидимая преграда.

— Понял. Значит, проход стал для вас односторонним. Вы не можете вернуться тем же путем, которым пришли.

От закрытого прохода Федор отступил к свету костра.

— Нужно провести больше натурных экспериментов, Карл, — сказал Федор, осматривая вход. — Здесь, в пещере, слишком мало места. Пойдем на плато. Там больше простора.

— Согласен, Федор. Это логичное решение. Ваши новые свойства требуют всестороннего изучения.

Федор уже направлялся ко входу, когда свет от него на мгновение моргнул. Резкая тень упала на пол пещеры, затем исчезла.

— Что это было? — насторожился Федор.

— Незвестный объект... — начал Карл, но его голос оборвался.

В проходе появился Крак. Его голубые глаза, казалось, сияли пуще прежнего, излучая неземной, глубокий свет, а вы-

ражение морды было полно суровой, почти фаталистичной сосредоточенности. Он смотрел на Федора с некой странной смесью интереса и...трепета?

Вокруг головы Крака извивался плотный пучок голубых нитей. Федор узнавал их: во сне они тянулись к нему, изучали его. Теперь Крак держал все нити при себе.

Часть 3.2. План меняется

Федор поднял ладонь. Под её поверхностью проходили такие же голубые нити. Крак вздрогнул и вжался в землю, словно человек замахнулся на него. Федор остановил руку.

— Карл, — негромко обратился Федор к шлему, лежащему на каменном столе. — Если мы сможем как-то надеть шлем на Крака, какова вероятность, что ты сможешь подстроиться под его мозговую активность и понимать мысли?

Голос Карла, лишенный интонаций, но мгновенно обработавший запрос, произнес:

— Вероятность... невероятная, Федор. Мы находимся на чуждой планете, взаимодействуем с чуждым видом. Несмотря на схожую биологию, билатеральную симметрию и общие для всего живого принципы построения, мозг Крака и его мыслительные процессы абсолютно точно отличаются от всего, с чем работало человечество на Земле и даже в экспериментальных лабораториях на Марсе и Венере. Его нейронные связи, химические процессы, возможно, даже физические принципы работы его сознания могут быть совершенно иными. Однако идея интересная. Если Крак каким-то чудом не будет против и будет носить шлем, мне потребуется изрядное время для сбора и обработки информации. С учетом ограниченных вычислительных мощностей шлема, порядка 113 земных лет для базового понимания и коммуникации.

Федор хмыкнул, опуская руку.

— Хм... Немного дольше, чем я рассчитывал, Карл.

Он призадумался, глядя на неподвижного Крака.

— Карл! А если мы вернемся к кораблю и подключим квантовую версию тебя к этой задаче? Квантанизатор способен справиться с подобным?

— Да, Федор. Квантовая версия моего ядра, подключенная к вычислительным мощностям “Исследователя”, смогла бы обработать данные и установить протокол базовой коммуникации с Краком за считанные часы. Но... мы не знаем, в каком состоянии находится корабль. Вряд ли он “выздоровел”, как вы. Пока я получаю от него лишь слабый аварийный сигнал. Включение основных систем для таких сложных вычислений неизбежно потратит всю оставшуюся энергию.

Пока они говорили, Крак переводил взгляд с Федора на шлем. Ни одна из собранных вокруг головы нитей не потянулась к ним.

Между тем Федор продолжил, словно уже принял некое решение:

— Ладно, Карл. С этим новым эм... клонированным гравитационным телом мне, видимо, и мороз не страшен. Можно вернуться к месту крушения “Исследователя” и поискать там уцелевшие ячейки батарей S3. Уверен, что их было больше, чем одна. Ну и проверим, можем ли мы повернуть всю эту операцию по Краку, когда будем иметь представление о сохранности корабля.

Едва Федор закончил, нити Крака ударили ему в лицо. Сам хранитель не двинулся с места. Федор замер; там, где чужие нити вошли в его сияние, разгорелись яркие пульсирующие точки.

Пещера погасла. В черноте осталось тело Крака, связанное с Федором потоками голубого света, и его собственное сияние. Федор попробовал пошевелиться, но не нашёл привычного движения. Он ещё ощущал руку — и уже не понимал, куда её протянуть.

В этой неподвижности возник голос Крака:

— Прошу простить меня за вторжение, юный мастер. Вы не спешили установить контакт, и я взял на себя смелость сделать это самостоятельно. Прошу, не воспримите это как вторжение, я просто хочу знать, что происходит.

— О, Крак! Я снова тебя понимаю! И без всякой шриффорлы! Чудеса! — воскликнул Федор, пропустив странное обращение мимо внимания.

— Юный мастер, — произнес Крак, и в его энергетическом голосе прозвучала легкая нотка неудовольствия. — До каких пор продлится ваша насмешка?!

Федор оторопел. Его радость сменилась недоумением.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Крак? Почему ты называешь меня юным мастером, хотя в прошлую нашу встречу уверял, что я слаб настолько, что следующей встречи не состоится... Кажется, нам пора познакомиться. Действительно познакомиться. У меня к тебе не меньше вопросов.

Например, что это все-таки за линии? Что это за устройство за дверью? Кто я теперь? Что будет с моим нормальным телом? И почему ты называешь меня юным мастером?

Нити вокруг него напряглись. Федор почувствовал, как под чужим давлением уступает его собственное желание. Проще было склониться, согласиться, позволить Краку продолжать. Глаза хранителя горели всё ярче.

«Так значит, да? Хочешь подчинить меня своей воле. Поглядим», — подумал Федор.

Федор протянул руку и схватил в кулак те самые щупальца Крака, которые тянулись к его голове. И со всей новообретенной силой дернул вниз.

Пещера вернулась вместе с треском костра. Крак пролетел пару метров и распластался по камням. Он сразу поднялся на четвереньки, но подойти снова не решился: прижал уши и смотрел на Федора снизу вверх.

В ушах Федора тут же раздался напуганный голос Карла: — Федор, Федор, отзовитесь! Федор, Федор, отзо...

— Да тут я тут, Карл. Всё в порядке. У меня с нашим другом состоялся непродолжительный и явно неоконченный диалог, в конце которого он захотел... эм... не знаю... подчинить меня, что ли. Но гравитационному человечеству свободной Земли такое не нравится, — Федор усмехнулся, его голос был полон триумфа и новой уверенности. — Впрочем, диалог надо продолжить. Крак явно знает гораздо больше нашего.

— Это может быть опасно, Федор, — забеспокоился Карл, его голос звучал механически-холодно, но в нем слышалась скрытая тревога. — Мы не знаем природы этих сил.

— Ой, Карл, не будь занудой, — Федор отмахнулся от слов Карла, словно от назойливой мухи. — Незнание не освобождает от познания!

— И от роковых ошибок, Федор, — парировал Карл.

— Да-да, теперь все время буду жить в пещере, протирать твой шлем по выходным и играть в шахматы на полу пещеры из остатков скафандра. Не дрейфь, мой добрый цифровой друг, я скоро вернусь.

Сказав это, Федор подошел к Краку. Его взгляд был тверд. Он присел, чтобы быть на одном уровне с небольшим существом, и показал ему жестами: мол, давай, вонзайся опять щупальцами мне в лицо. Глаза Крака в ужасе забегали, будто Федор просит его застрелиться, но в итоге, дрожа, он подчинился. И всё повторилось. Чернота и синие образы существ.

— Итак, Крак, — строго сказал Федор, оказавшись в энергетической пустоте, — давай в этот раз без глупостей, хорошо.

— П-п-прошу простить меня, юный мастер... я... я не понимаю, что вы такое... Вы обладаете силой мастеров, но ведете себя как варвар или как младенец. Извините... — сбивчиво произнес Крак, его энергетический голос теперь звучал трепетно и испуганно.

— А давай просто поговорим. Без этих вот попыток вы-

яснить, у кого нити сильнее. Расскажем друг другу всё, что знаем, и будем думать, что делать дальше. И начнем с моих вопросов. Поведай же мне, кто такие эти мастера?

Часть 3.3. Тайна Ульвы

Крак заговорил тише. Вместе со словами приходили образы, но прежнего давления Федор больше не чувствовал.

— Очень давно, юный мастер, так давно, что это уходит за горизонт памяти моего племени. Несколько тысяч лет назад, согласно нашим легендам, на эту планету прибыли Мастера. Тогда она была безжизненным булыжником, пустынным и холодным камнем, вращающимся вокруг своей звезды. За короткое время они... — Крак будто искал слова, — они вдохнули в нее жизнь. Я не знаю как, но знаю, что этому способствовала их удивительная, всеобъемлющая способность. Мы называем ее риана. Ты называешь ее нитью. Это сила, которая есть в самой планете, ее кровь, ее дыхание, и она проявляется больше или меньше у всех растений и животных на Сиф. В нас — в племени Первых, к которому я принадлежу, — она проявляется больше всего, и мы учимся ей управлять. В тебе же... — Крак замолчал, его энергетические нити запульсировали сильнее, — в тебе, который встретился мне первый раз, ее не было вовсе. Это было удивительно и жалко. А в тебе настоящем... ты только из нее и состоишь, как Мастера.

— погоди, — прервал его Федор, эта новая информация была мощным потоком. — Таких, как ты, много?

— Много для кого, юный мастер? — уточнил Крак, и его

взгляд скользнул по невидимым для Федора границам пещеры. — У нас есть несколько групповых жилищ, разбросанных по Сиф, где живут мои сородичи. В каждом из них есть Хранитель, такой, как я, — наиболее опытный и сильный воин, избранный для этой задачи. Наша цель, поставленная самими Мастерами, — хранить баланс всего живого на планете. Это не просто инстинкт, это наша священная обязанность. Хищников не должно быть слишком много или слишком мало, чтобы популяции оставались здоровыми. Если лес разрастается на луга, мы подавляем и иссушаем деревья. Если какой-то вид начинает чрезмерно доминировать, мы вмешиваемся. Мы храним то, что было создано. Такова наша Сущность, наша Воля.

— А теперь о Мастерах, — продолжил Крак. — Как и ты, они были полностью сотканы из рианы. Они не были телами в вашем понимании, но могли их принимать. Они умели... они умели всё или почти всё. Так говорят наши легенды. Они могли за мгновение уничтожать целые леса, превращая их в пыль, или же порождать их из голой породы, заставляя жизнь вспыхнуть. Они умели летать, передвигаясь сквозь атмосферу с невероятной скоростью, и могли прыгать через пространство на любое расстояние, появляясь там, где пожелают. Они могли творить живое и неживое, изменять саму материю, и сами могли принимать любой облик. И по силе рианы им не было равных.

— Куда же они делись, где они? Ты сам их видел? — не

выдержал Федор.

— Конечно, нет, юный мастер. Даже мой вид не был создан жить так долго, а первые хранители давно мертвы. Наши легенды хранят эти знания через поколения, передавая их от хранителя к хранителю, сохраняя их чистоту. А Мастера... — Крак снова замолчал, и его энергетическое тело будто содрогнулось от воспоминания. — Сразу после создания всего живого, когда Сиф расцвела под их Волей, небо окуталось чернотой, и свет погас, словно огромная тень поглотила светило. Мастера ринулись к этой черноте, их нити, их риана, сияли ярче всех звезд. Были вспышки света по всему небу долгое время, словно кто-то сражался с самой тьмой. И в какой-то миг в черноте показался свет, будто на песке проявилась влага, рассеивая тьму. Затем в другом месте и еще, и еще. А через какое-то время всё небо очистилось, и свет вновь стал греть поверхность Сиф... эм... Ульвы. Но Мастера так и не вернулись. Мы не знаем, что произошло и куда они ушли, но верим, что однажды они навесвят нас.

Крак перевел взгляд, и Федор почувствовал его внимание, сосредоточенное на проеме.

— Пещера, где мы находимся, — это одно из мест отдыха Мастеров. Никто не может попасть за эту дверь. Даже ты сейчас, в твоём новом облике, как я смог подглядеть. Но... прежний ты прошел через нее и переродился в юного мастера. Я не понимаю, как такое возможно. В наших легендах нет такого, чтобы кто-то, лишенный рианы, смог пройти через

двери мастеров и выйти одним из них. Даже сами створки никогда не отворялись.

Оба они замолчали, каждый думая о своем.

— У меня еще много вопросов, Крак, — сказал Федор, осмысливая наплыв информации. Его разум, привыкший к научным фактам, с трудом переваривал эти легенды и мифы. — Но я вижу, что и у тебя их тоже немало. Я готов ответить на твои. Спрашивай.

Крак, чье энергетическое тело все еще висело в черноте космоса, сосредоточился. Его изумрудные глаза вспыхнули. — Кто ты такой, Федор? И что это за шумящая блестящая шапка, лежащая на камне в твоей пещере? Я заметил ее еще в нашу первую встречу, но ее риана... ее нет, как и у тебя прежнего.

Федор усмехнулся. Этот вопрос был простым.

— Я, Крак, — человек. Прилетел на эту планету из далекого мира, который ты называл бы “Миром, где нет Рианы”. А что касается шапки... — Федор выдержал паузу, — проще всего будет сказать, что в ней живет дух-хранитель из моего мира, мой верный друг. И он очень мудр, хоть и ворчлив.

В ответ на эти слова Крак, все еще в ментальном контакте, ощутимо склонил голову в энергетической пустоте в сторону шлема.

— Теперь такой мой вопрос, — произнес Крак, подняв голову. — Зачем юный мастер желает видеть мое жилище и племя?

— Раз я юный мастер, который ничего не умеет, — ответил Федор, его голос был спокоен, но полон новой решимости. — Мне нужно научиться управлять рианой. А кто лучше научит, чем те, в ком она проявляется больше всего? Вы, Хранители. И еще: возможно ли связываться вот так, через риану, не выпадая из реального мира в эту черноту?

Крак снова на мгновение замолчал, обдумывая вопросы.

— Да, юный мастер. Со своими сородичами мы умеем так делать. Мы обмениваемся мыслями и ощущениями, не покидая физической оболочки, не погружаясь в эту Пустоту между мирами. Многие другие животные на Сиф также способны на это, хоть и в меньшей степени. Но с тобой, прежним, этого не получалось сделать никак. Твое сознание было слишком... закрыто, слишком странным, чужим. И только после шриффорлы, которую я дал тебе, стал возможен первый контакт. Она способствовала успокоению твоего сознания, подготовила его к восприятию рианы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.